

Его душа.
Эгоистичная

К. Фелония

К Фелония

Его душа. Эгоистичная.

<https://litres.ru/74208269>

Аннотация

Несколько лет я была просто красивой вещью в его доме. Удобной, молчаливой, «одной из». Мне полагалось быть благодарной за золотую клетку и ждать, пока хозяин снизойдет. Но я оказалась плохой вещью. Бракованной. Почему? Потому что у вещей не бывает такого голода. В какой-то момент мне стало просто мало. Я захотела, чтобы этот лёд принадлежал мне. Я стала жадной. Я заставила его смыть прошлое кровью. Я посмела требовать от монстра не милости, а полного подчинения. Эгоистично? Безусловно. Мой эгоизм рос годами, пока я смотрела, как он делит себя с другими. Я оказалась той еще стервой. Я ревновала его даже к собственным страхам. Я хотела, чтобы он дышал мной. Пусть говорят, что эгоизм разрушает. Мой эгоизм построил нас заново. Я — его душа. И я ни с кем им не поделюсь.

Содержание

ОЧЕНЬ ВАЖНО	4
Глава 1.	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	49
Глава 5	64
Глава 6	78
Глава 7	91
Глава 8	104
Глава 9.	118
Глава 10	132
Глава 11.	146
Глава 12	157
Конец ознакомительного фрагмента.	158

ОЧЕНЬ ВАЖНО

Книга входит в цикл «ЕГО» — эта книга по счету 5-ая.

ОТКРОВЕННЫЕ СЦЕНЫ 18+!!!!

⚠️#ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:

Книга содержит контент, предназначенный строго для аудитории 18+. Пожалуйста, ознакомьтесь со списком триггеров перед чтением.

В тексте присутствуют:

- **Психологическое насилие:** абьюзивные отношения, удержание против воли, газлайтинг.
 - **Жестокость.**
 - **Сексуальный контент:** откровенные сцены, грубый секс, элементы доминирования/подчинения, упоминание связей с другими партнерами.
 - **Тяжелые темы:** торговля людьми, обсуждение аборта, послеродовая депрессия.
 - **Ментальные расстройства:** панические атаки, диссоциация, навязчивые состояния.
- РЕВНОСТЬ ДОХОДЯЩАЯ ДО ПАРАНОЙИ.**

Я не романтизирую насилие, но показываю его как

часть мира героев.

##ПЛЕЙЛИСТ:

The Weeknd — Call Out My Name

Billie Eilish, Khalid — Lovely

Arctic Monkeys — Do I Wanna Know?

Two Feet — I Feel Like I'm Drowning

Rosenfeld — I Want To

Chase Atlantic — Into It

The Neighbourhood — Daddy Issues

Meg Myers — Desire

Halsey — Control

Ursine Vulpine — Wicked Game

If Had A Heart — Fever Ray

Kiss Land — The Weekend

Red Sex (Re-Strung) — Vessel, Rakhi Singh

Lament — Jacaszek, Michal Jacaszek

Oscar Winning Tears — SonicSerenity

G-Eazy & Halsey — Him & I

Lana Del Rey — Young and Beautiful

Jaymes Young — Infinity

Arctic Monkeys — I Wanna Be Yours

Глава 1.

Когда Сара прошептала: «Беги!» — впервые за долгое время во мне вспыхнул живой, острый импульс. Я ухватилась за её слова, как утопающий за соломинку. Потому что оставаться с Фабио ещё один день, ещё одну ночь — значило медленно превращаться в тень.

Быть «его» — только на бумаге, только в чужих устах — невыносимо. Я не вещь.

А заявить об этом некому. Родители — лишь тихая боль и холодный мрамор надгробий. Бабушка... Жива ли она? Я отрезана от всего, как остров, затерянный в тумане.

Барселона. Шесть лет. Целая жизнь, украденная и переписанная чужим почерком. Мне было семнадцать, когда меня продали в этот застывший мир из страха и лжи. Сейчас — двадцать три. А разница — лишь в цифрах.

Сначала был Валерио. Это он приобрёл меня, как акцию, в ожидании, пока Фабио упрочит власть. Год в его золотой клетке. Год, который сейчас кажется почти раем. Да, он — тиран. Да, он — безумец. Но его огонь обжигал, а не замораживал. А у Фабио я обречена питаться холодом. Он ледяной, как скала в тени.

Я не единственная. Нас шесть, может, семь. Он проводит с ними ночи, а мимо меня проходит, словно мимо мебели. И в этом молчании, в этой неприкосновенности — самый

изошрённый яд. Конечно, я не хочу разделять их участь... Но разве не естественно — начать сомневаться в себе? Со мной что-то не так? Я сломана? Неправильная?

А сейчас за окном — Грузия. Тёплый вечерний воздух, чужие звёзды и вкус свободы, который я почти забыла. Я бежала. Вырвалась из паутины Барселоны, Фабио, этой всей опостылевшей реальности.

Мне повезло, что Сара решилась на это. Хотя я прекрасно понимаю — ей теперь несдобровать.

Она раньше работала на семью Самарано, была агентом, но сейчас она действовала не как профессионал — а как человек. Не просчитывала риски, а просто протянула руку.

Я перед ней в неоплатном долгу.

Дверь с грохотом ворвалась внутрь. Я не слышала ни сверления, ни предупреждающего скрежета — только оглушительный удар, от которого содрогнулись стены. Я резко обернулась, и все мои тихие дни, все мгновения спокойствия в этом убежище — бесследно испарились.

В клубах взметнувшейся пыли медленно вырисовывался силуэт.

Тело онемело, стало тяжелым и чужим. Легкие спались в тугой комок, выталкивая воздух коротким, беззвучным выдохом.

— Елена.

Голос Фабио прорезал пыльную завесу. И тогда он шагнул вперед, возник из хаоса целиком.

Точно такой, каким навсегда остался в памяти. Пронзительные карие глаза, черные волосы, зачесанные назад, смуглая кожа, высокий и неумолимый, как сама судьба.

— Фабио, — вырвалось у меня хриплым шепотом. Рот мгновенно пересох, будто я наглоталась песка, и я начала отступать, пятась к холодной стене.

— Поехали домой.

— Домой? — я прочистила горло, чтобы голос не дрогнул.
— Что ты называешь «домом», Фабио?

— Мой особняк.

— Нет. — Я резко встряхнула головой, и волосы хлестнули по лицу. — Зачем тебе я? Ты же прекрасно обходишься без меня.

— Я сказал тебе: поехали. Домой. — Каждое слово он отчеканил, будто вбивая гвоздь.

Я сузила глаза, пытаюсь разглядеть в его неподвижном лице хоть что-то, кроме холодной решимости. Но было поздно — он уже двигался на меня, неспешно и неотвратимо, как сходящая с гор лавина.

— Ты меня ударишь? Накажешь? — прошептала я.

Он замер на месте, словно я пулей в него попала.

— За то что я сбежала, — продолжила я, чувствуя, как дрожь поднимается изнутри.

— Ударить? Наказать? — Он медленно приподнял бровь, и в его глазах читалось нечто среднее между насмешкой и недоумением. — Елена, что с тобой? Разве я хоть раз поднял

на тебя руку?

— Нет...

— Разве я когда-либо тебя наказывал?

— Нет...

— Тогда к чему эти вопросы? — Его голос оставался спокойным, но в нем появилась стальная нить.

— Я не знаю... Просто вдруг ты... — Я замолчала, не в силах подобрать слова, чтобы объяснить этот животный страх, это ожидание расплаты, что сидело во мне глубже всякой логики.

— Вдруг что? Спачу? Разозлюсь? — Он произнес это почти небрежно, но в глазах читалась настороженность.

— Да, — кивнула я, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Фабрио никогда не кричал на меня. Были моменты холодного раздражения, редкие, как солнечные дни в ноябре. Он по своей природе был сдержан, его гнев никогда не был шумным — лишь тихим и вымораживающим, словно ледяная пустота.

И вот он наконец дошел до меня. Парфюм ударил в ноздри — жесткий, с едва уловимыми сладковатыми нотами, от которого всегда сводило живот. Он приблизился так близко, что я увидела мельчайшие детали: легкую усталость в уголках глаз, идеально выбритую линию подбородка, почти невидимый шрам над левой бровью.

— Ты ведь знаешь меня, Елена, — его голос прозвучал

тихо, почти интимно, когда он склонил голову. — Я никогда не позволял себе кричать на тебя.

Я неотрывно смотрела ему в глаза, чувствуя, как мои зрачки расширились от напряжения, вбирая в себя весь его образ.

— Так что поехали домой.

— Ты не ответил, — выдохнула я, и мой шёпот прозвучал чётче в наступившей тишине. — Ты уклонился от главного. Зачем тебе я?

Он замер, и на мгновение в его обычно нечитаемом взгляде мелькнуло нечто неуловимое — тень, пробежавшая по водной глади.

— Зачем ты мне... — тихо произнес он, будто размышляя вслух. Его пальцы мягко обхватили моё запястье в том самом месте, где синел след. — Вот для этого.

Сердце сжалось, будто в ледяной тисках.

— Для этого? — едва слышно выдохнула я.

— Верно.

Я не могла даже представить, что нужна ему именно из-за этого.

— И ещё ты ведь... — он запнулся, что для него было несвойственно. — Ты ведь... Э...

— Фабио?

— Я имею в виду, что ты была моей, верно? — его голос вновь обрёл стальную уверенность. — Не думаю, что стоит моей ходить по земле, где меня нет.

Я выдохнула и кивнула. Фабио на мгновение положил ладонь мне на голову — жест быстрый, почти небрежный, и тут же убрал руку.

— Всё, Елена, поехали.

Он повёл меня, держа за запястье. Я шла за ним, словно утёнок за мамой-уткой.

Так оно и было.

Фабио старше меня на шесть лет, и в его кругу девушка в мои двадцать три — несолидная роскошь. Нужна кто-то ближе к тридцати, умеющая держаться с холодным достоинством.

Я была самой младшей из всех, кого он держал рядом, но именно меня он всегда брал на мероприятия. Приходилось врать о своём возрасте или просто уходить от ответа.

Его ближайшее окружение не знает, сколько мне на самом деле. Из союза пяти семей правду знают лишь Амадо, Кристиан, Валерио и Мартин. Остальные видят лишь то, что Фабио позволил им увидеть.

Мы вышли из отеля, и его машина ждала у тротуара. Мы сели, и машина тронулась, плавно растворяясь в потоке огней, увозя меня обратно — в аэропорт, в Барселону, в мою золотую клетку.

Тишину в салоне первым нарушил он.

— Ты голодна, Елена? — его голос прозвучал приглушенно, слишком обыденно для всего, что только что произошло.

— Нет, — я покачала головой, не отрывая взгляда от

мелькающих за окном огней. — Я уже ела.

— Хорошо. Если захочешь есть — скажи, — он произнес это, уже закуривая сигару. Сладковатый дым заполнил пространство между нами.

Я уставилась в темное стекло, видя в нем лишь свое бледное отражение. Как это абсурдно и странно. Прожить бок о бок с этим человеком больше пяти лет, быть его собственностью, его спутницей на всех вечерах и ни разу не побывать в его постели. До сих пор хожу в девственницах, как какая-то диковинная реликвия, которой не нашли применения.

Самолет коснулся взлетной полосы аэропорта Барселоны, и мое сердце совершило то же самое движение — резкий толчок, а затем тяжелое скольжение вниз, к земле, к реальности. Нас уже ждала машина, и большую часть пути до особняка мы молчали, я смотрела на знакомые улицы, которые так и не стали родными.

Те шесть девушек не живут в его особняке на постоянной основе. Эта привилегия — или проклятие — только мое. Они приезжают по звонку, когда он этого пожелает, иногда остаются на ночь, чтобы исчезнуть утром, оставив после себя лишь легкий шлейф чужого парфюма.

Машина плавно остановилась у подножия лестницы, ведущей к парадному входу. Я вышла, и взгляд мой сразу же наткнулся на фигуру на пороге.

Беатрис.

Одна из них. Загорелая кожа, оттенка темного меда, иде-

ально уложенные черные волосы и такие же глубокие, как ночь, глаза. Не просто красивая — ослепительная.

Жаль, что я не такая.

— Фабио, — ее голос, сладкий и томный, порезал вечернюю тишину. Она медленно спускалась по ступеням на своих высоченных каблуках, каждый шаг — уверенный и соблазнительный. — А я уже заждалась тебя. Сколько можно заставлять меня ждать? Я ведь просто изнывала от тоски.

Я сглотнула плотный комок, подкативший к горлу, выпрямила спину и, опустив голову, сделала шаг к лестнице, намереваясь пройти мимо.

— Беатрис, я не звал тебя сегодня, — раздался спокойный, но не оставляющий пространства для возражений голос Фабио позади меня.

— М-м-м, — она кокетливо протянула, и ее взгляд скользнул по мне. — Привет. Елена.

Я замерла на ступеньке, чувствуя, как спина напрягается под этим двойным взглядом.

— Привет, — бросила я, не оборачиваясь, и продолжила подъем, оставляя их внизу в натянутом молчании, в котором витал ее невысказанный вопрос и его безмолвный ответ.

Я прошла в особняк, оставив их у входа. Прохлада мраморных залов встретила меня привычной ледяной пустотой. На кухне я налила себе стакан воды, пытаясь смочить пересохшее горло. Прозрачная жидкость казалась безвкусной, как и все вокруг.

Из холла донеслись их голоса, долетая отголосками.

— Фабио, ты что, всерьёз меня прогоняешь? — засмеялась Беатрис, и в её смехе слышалась наигранная лёгкость. — Даже простого поцелуя не заслужила? Ну где же тот пылкий мужчина, который...

— Беатрис, я устал.

— Ну конечно, — её тон стал капризным, — Сейчас ты позвонишь другой и забудешь, что я вообще существую. Я что, зря летала на Мальдивы ради этого загара? Вся эта пляжная скука, и всё для того, чтобы ты сейчас так со мной разговаривал? — она нарочито протянула: — Ну, Фабио... Ну, босс... Не может же всё быть так просто.

— Беатрис, — голос Фабио прозвучал резко, словно щелчок бича. В нем не было гнева, только холодное предупреждение, от которого по спине пробегают мурашки.

— Поняла, поняла, — она пропела эти слова с игривой ухмылкой, будто получила именно ту реакцию, на которую рассчитывала. — Но хотя бы... Маленький поцелуй? Ну, хоть крошечный? Для храбрости.

Из прихожей донесся приглушенный звук поцелуя — быстрый, небрежный. Затем ее довольное хихиканье, звенящее в тишине особняка. Ее каблуки отстучали прочь по мрамору, и щелчок закрывающейся двери прозвучал как точка в этом коротком, унижительном спектакле.

Я провела тыльной стороной ладони по губам, словно стирая невидимую пыль. Наполнила ладонь темно-синей черни-

кой из холодильника, промыла ее под струей ледяной воды. Каждая ягода лопалась на языке кисло-сладкой прохладой. Я ела, глядя в ночное окно, где в черном стекле отражалась одинокая девушка с пустым взглядом.

— Елена.

Его голос возник за спиной так неожиданно, что я вздрогнула, и несколько ягод черники выскользнули из пальцев, рассыпавшись по столешнице темными каплями.

Я медленно обернулась.

— Да?

— Ты не хочешь пойти помыться? — Он стоял в дверном проеме, его фигура отбрасывала длинную тень на светлый пол. — Ты, должно быть, очень устала.

Я покачала головой, чувствуя, как влажные от воды волосы прилипли к шее.

— Нет.

Он не настаивал, просто смотрел на меня своим пронзительным, изучающим взглядом, который, казалось, видел гораздо больше, чем просто мою усталую позу и разбежавшуюся по столу чернику.

— Хорошо, — наконец кивнул он, и в его голосе не было ни раздражения, ни досады. Лишь та же привычная, неспешная уверенность.

Он уже собирался развернуться, чтобы выйти, но замер на месте. Не глядя в мою сторону, произнес ровным, лишенным интонаций голосом:

— В семь — ужин. Ты ведь помнишь? Не опаздывай.

— Помню, — ответила я, глядя на его спину.

Он не сказал больше ни слова и вышел из кухни. Я осталась стоять у стола, слушая, как затихают его шаги по мармору полу.

«Соберись, Елена», — пронеслось в голове. — «Ты с ним уже больше пяти лет. Должна же была привыкнуть.»

Я и привыкла. Вся эта колкость в разговорах с Анной, эта напускная холодность — всего лишь маска. Так я пыталась убедить саму себя, что хоть что-то значу. Что я не просто пустое место в его идеально выстроенном мире.

Поднялась на второй этаж, зашла в свою комнату. Вода в умывальнике оказалась ледяной, но я не стала добавлять горячую. Резкие брызги на коже помогли отодвинуть накопившуюся тяжесть.

Ужин в семь. По расписанию. Каждый день. Каждый божий день Фабио приглашает меня ужинать вместе.

Не их — а меня.

Переделась в чистое платье — простое, но из мягкой, приятной на ощупь ткани. Расчесала волосы, и они легкими волнами упали на плечи. Еще один день. Еще один ужин.

Нужно просто продержаться.

Ровно в семь я вышла из комнаты. Спускаясь по лестнице, я чувствовала, как сквозь тонкую ткань блузки веет прохладой. В главной столовой уже горел свет, отполированный до

блеска длинный стол был накрыт с холодной элегантностью.

Я села на своё привычное место — по левую руку от Фабио. Стул мягко отъехал, приняв мой вес. Воздух пах едва уловимыми нотами дорогого воска для мебели и свежими лилиями в высокой вазе. Фабио сидел во главе стола, погруженный в чтение чего-то на экране своего телефона. Он не поднял глаз, когда я села, но легкое напряжение в его позе подсказало, что он отметил моё присутствие.

— Понравилась Грузия? — его голос прозвучал ровно, без намёка на укор или иронию.

— Я не гуляла там, — ответила я, сосредоточенно разрезая стейк. Нож плавно входил в нежное мясо.

— А из окна? — он не отступал, его вопросы были как аккуратные зондирования.

Я на секунду оторвалась от тарелки, вспомнив панораму гор, открывшуюся за стеклом.

— Более чем красиво, — сказала я, и в голосе прозвучала произвольная теплота.

— Я рад, — его голос прозвучал приглушенно. — Что тебе хоть что-то там понравилось.

Я провела пальцем по ободку тарелки, чувствуя, как нарастает знакомое напряжение.

— А разве ты не должен злиться? — спросила я, намеренно опустив взгляд. — Ведь я сбежала. Уехала без твоего разрешения.

Он медленно отпил вина, прежде чем ответить:

— Злость — непродуктивная эмоция. Ты вернулась. Этого достаточно.

— Но в тот момент? — настаивала я. — Когда обнаружил, что я ушла... Ты ведь хоть на минуту почувствовал гнев?

Он отложил салфетку, и его пальцы на мгновение задержались на краю стола.

— Елена, — произнес он, и в его голосе появилась стальная нить. — Некоторые вопросы лучше оставить без ответа.

Я глубоко вздохнула, переходя к самому страшному:

— А Сара? Ты ведь... Ты ничего не сделаешь с ней? Она просто пыталась помочь.

Его взгляд стал тяжелым и пронизательным.

— Сара превысила свои полномочия. Но... — он сделал паузу, выдерживая напряженное молчание. — Она остается нетронутой.

— Ты её не трогаешь лишь потому, что она под защитой Амадо, — вырвалось у меня, и я тут же пожалела о своей прямооте. — Иначе бы ты... Иначе это означало бы войну.

— Сара сама начала войну, когда полезла в чужую семью. Она переступила черту, Елена. И ты это прекрасно понимаешь.

— Я понимаю... — прошептала я, опуская глаза.

— Ты такая понимающая сегодня, — в его голосе внезапно появилась опасная, шелковистая нота. Он отодвинул тарелку и сцепил руки на столе. — Понимаешь последствия для Сары. Понимаешь политику. Но вот своего места — до

сих пор не поняла.

— Я поняла своё место, — прошептала я, чувствуя, как сжимается горло.

— И какое же оно, твоё место? — его голос прозвучал мягко, но в этой мягкости таилась опасность.

Я подняла на него глаза, встречая его тёмный, неотрывный взгляд.

— Быть как мебель, — выдохнула я, и слова показались горькими на языке. — Нетронутой. Просто украшением. Которое стоит там, где его поставили.

Фабио смотрел на меня долгим, непроницаемым взглядом. Казалось, он взвешивает каждое мое слово, измеряя его скрытую глубину, но он ничего не ответил.

Отодвинув стул, он встал.

— Сегодня вечером мне снова понадобится ванная. И ты будешь там нужна.

— Хорошо, — я кивнула, прекрасно понимая, о чем он говорит.

Фабио вышел из столовой, и я осталась одна с тиканьем часов и остатками ужина.

Мой взгляд упал на запястье. Синяк, оставленный его пальцами, уже побледнел, превратившись в размытое желто-лиловое пятно. Я провела по нему подушечкой пальца, чувствуя под кожей легкую, почти незаметную болезненность.

Скоро будет новый.

Глава 2

После ужина я поднялась в свою комнату и переоделась в простые шорты и футболку. Ткань казалась грубоватой после шелковистой блузки, но в этой простоте была своя свобода.

В дверь без стука вошел Фабио.

— Пойдем.

Я молча последовала за ним. Мы спустились на этаж ниже, в помещение, которое сложно было назвать подвалом — с мраморным полом, приглушенным светом и дорогими картинами на стенах.

Он открыл дверь в комнату с бассейном. Воздух ударил холодом. В центре стояла массивная ванна, доверху наполненная водой и льдом.

Фабио начал раздеваться. Сначала пиджак, затем рубашка, открывая татуировки на смуглой коже: сложные переплетения на предплечьях, темные узоры, уходящие под лопатки. Каждое движение было точным и выверенным.

Он остался в черных трусах, его мускулистое тело покрылось мурашками от предвкушения холода. Я медленно подошла к ледяной ванне и села на холодный мраморный край, чувствуя, как дрожь пробегает по спине.

Фабио глубоко вздохнул и погрузился в воду. Лицо его на мгновение исказилось от шока, но почти сразу же приняло

выражение сосредоточенного спокойствия. Его пальцы нашли мое запястье и сомкнулись вокруг него — не больно, но так твердо, будто это единственная связь с реальностью.

Он откинул голову назад, прислонившись к краю ванны, и закрыл глаза. Ресницы, темные и мокрые, легли на смуглые щеки. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием льда и его ровным, постепенно успокаивающимся дыханием.

Я сидела неподвижно, наблюдая, как его грудная клетка ритмично поднимается и опускается. С каждым вдохом его пальцы бессознательно сжимались на моей коже, и я уже мысленно видела тот самый синяк, который проступит здесь завтра — точное очертание его пальцев, еще одно немое свидетельство этих странных сеансов.

Ледяная вода заставляла его мурашки бежать по коже, но он, казалось, не чувствовал холода — или преодолевал его силой воли. В его лице читалось не страдание, а скорее яростная концентрация, будто он силой выжигал из себя какую-то внутреннюю боль.

И я, как всегда, была всего лишь молчаливым свидетелем, частью ритуала, которого никогда до конца не понимала.

— Полотенце? — тихо спросила я, глядя, как его кожа покрылась мурашками.

— Нет, — он едва заметно покачал головой, не открывая глаз. — Ещё рано.

— Но ты уже здесь больше двадцати минут. Это дольше,

чем в прошлый раз...

— Мне нужно ещё, — его голос прозвучал напряжённо, сквозь стиснутые зубы. Пальцы на моём запястье произвольно сжались чуть сильнее.

Прошло еще пятнадцать долгих минут, наполненных лишь хрустом льда и его прерывистым дыханием. Наконец, он резко поднялся, и ледяная вода хлынула на мраморный пол. Все его тело напряглось в борьбе с дрожью, челюсти были сжаты так, что мышцы на скулах резко выделялись.

Я протянула ему большое махровое полотенце. Его пальцы, побелевшие от холода, дрожа, взяли его.

— Спасибо, — выдохнул он глухим, сдавленным голосом.

— Пожалуйста, — прошептала я в ответ, глядя, как он судорожно вытирается, пытаясь вернуть тепло в онемевшие конечности.

Он сбросил с себя мокрые трусы, и я тут же отвела взгляд в сторону, уставившись на запотевшую стену. Краем глаза я заметила, как он накинул полотенце на бедра, закрепив его на талии.

— Приказать, чтобы тебе принесли чай? — спросила я, все еще глядя в стену.

— Нет. Сделаешь сама. У тебя он лучше выходит.

— Хорошо. Принести тебе в комнату?

— Да, — коротко кивнул он.

Мы поднялись по лестнице, и я направилась на кухню. Достала керамическую чашку, насыпала заварку и добавила

щепотку чабреца — именно так, как он любит. Две ложки сахара, которые он никогда не признавал бы при других, но всегда ждал от меня.

Затем поднялась на второй этаж, постучала легонько в дверь его спальни и, не услышав ответа, всё же вошла.

Фабио полулежал на кровати, уткнувшись в планшет. Я поставила чашку на прикроватную тумбочку.

— Спасибо, — пробормотал он, не глядя на меня.

Я уже повернулась к выходу, когда его голос, тихий, но чёткий, остановил меня:

— Елена, подожди.

Я замерла на пороге.

— Подойди сюда.

Сделав несколько неуверенных шагов, я остановилась в паре метров от кровати.

— Садись, — он похлопал ладонью по краю матраса.

Я осторожно опустилась на указанное место, стараясь не нарушать его личное пространство. Он протянул мне планшет.

— Посмотри. У тебя всегда была склонность к математике, я помню твои успехи. Да и в целом... С аналитическим мышлением у тебя всё в полном порядке.

Я взяла планшет, чувствуя холод стекла под пальцами. Цифры на экране плясали перед глазами, но постепенно все приходило в норму.

— Здесь нестыковки с финансами, — его голос прозвучал

ровно, но я уловила в нем легкое напряжение. — За последний квартал. Можешь сесть в кресло и разобраться? На столе уже всё приготовлено — ручка и блокнот.

— Хорошо, — кивнула я, поднимаясь с кровати.

Устроившись в глубоком кожаном кресле, я взяла в руки планшет и блокнот. Цифры постепенно оживали, рассказывая свою историю — странные скачки расходов, повторяющиеся платежи в никуда, необъяснимые финансовые проблемы. Кончик ручки замер над чистой страницей, готовый начать вычисления.

Я склонилась над блокнотом, тщательно выписывая столбцы цифр — поступления, траты, даты. Под пальцами рождалась четкая картина, и в ней проступали странные пробы. Все это время я чувствовала на себе его тяжелый, изучающий взгляд, будто он проверял не только цифры, но и меня. Я знала структуру его расходов лучше, чем свои собственные линии на ладони. Поэтому этот платеж резнул глаз сразу

— Фабио, — наконец подняла я голову и встала с кресла, — Здесь серьезное несоответствие.

Я подошла к кровати, протягивая ему планшет и раскрытый блокнот. Он приподнялся, чтобы лучше видеть.

— В прошлом месяце куда-то ушли несколько тысяч евро, и в документах нет ни одной понятной проводки, которая могла бы это объяснить. А вчера, — я провела пальцем по свежей строке, — Со счета бесследно пропали еще тридцать

тысяч.

— Ты уверена? — его голос прозвучал приглушенно. Он взял планшет, его пальцы сомкнулись на устройстве крепко.

— Да, — я уверенно кивнула, чувствуя, как учащается пульс. — Смотри.

Я взяла ручку и обвела кончик вокруг цифр на экране, будто выжигая их на стекле.

— Вот здесь. Тридцать тысяч. Они просто испарились. В графе «назначение платежа» пустота, а в балансе — дыра. Я проверила трижды.

Он молча взял блокнот, и его ручка заскользила по бумаге, оставляя чёткие, выверенные строки. Его почерк всегда казался мне слишком красивым для человека его рода занятий — изящные завитки и уверенные линии.

— Возьми планшет, — он протянул его обратно, и наши пальцы едва соприкоснулись. — И посмотри куда именно утекли эти деньги. Вся цепочка.

— Для этого мне нужен доступ к серверам бухгалтерии. К полному архиву, — пояснила я, чувствуя, как нарастает знакомое напряжение.

Он на секунду задумался, его взгляд стал отстранённым, будто он просчитывал возможные последствия.

— Позвони им, — наконец произнёс он. — Скажи, что Фабио Викарио лично разрешил. И... — он добавил, и в его голосе появилась не оставляющая сомнений твёрдость, — Чтобы предоставили все доступы. Полные.

— Почему бы тебе не позвонить самому? — спросила я, чувствуя, как в голосе проскальзывает лёгкое напряжение. — Твоё слово для них закон. С моих слов они могут и усомниться.

Он медленно поднёс чашку к губам, и над её краем мелькнула едва заметная улыбка.

— Я сейчас буду пить чай, — произнёс он, делая небольшой глоток. — И смотреть, как ты работаешь. Мне интересно наблюдать за твоим умом в действии. А насчёт сомнений... — он поставил чашку на блюде с тихим звоном, — Если у кого-то возникнут вопросы, они всегда могут позвонить мне лично, но я сомневаюсь, что им захочется это делать.

Я на секунду задержала на нем взгляд, пытаюсь понять, не проверяет ли он меня.

— Возьми мой телефон, — он кивнул в сторону массивного комода из темного дерева. — Пароль — дата моего рождения.

Переступив через ковер, я взяла в руки холодный корпус телефона. Пальцы сами вывели на экране дату. Секунда — и замок открылся. Прокручивая список контактов, я нашла лаконичную запись «Бухгалтерия» и нажала кнопку вызова.

— Здравствуйте, мне требуется полный доступ к серверу бухгалтерии. С разрешения Фабио Викарио, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

В трубке послышалась короткая пауза, затем голос на дру-

гом конце провода произнёс:

— Хорошо. Сейчас вышлем авторизационную ссылку.

Через мгновение телефон Фабио тихо вибрировал. Я взяла планшет, открыла пришедшее сообщение и перешла по ссылке. На экране загрузился интерфейс сервера с расширенными правами доступа.

— Садись рядом со мной, — его голос прозвучал приглушенно, пока он отодвигал в сторону свою чашку.

Я осторожно устроилась на краю кровати, прислонившись к мягким подушкам в изголовье. Между нами оставалось почти вежливое расстояние, но я чувствовала тепло его тела и легкий запах дорогого мыла, смешанный с ароматом чабреца от чая.

Взяв блокнот на колени, я погрузилась в цифры. Пальцы листали виртуальные отчеты на планшете, а ручка выводила в блокноте колонки сумм, дат и подозрительных операций. Тишину в комнате нарушало лишь шуршание переворачиваемых страниц и ровное дыхание Фабио, который, казалось, просто отдыхал с закрытыми глазами, но я знала — он внимательно следит за каждым моим движением.

— Списание было совершено с этого IP-адреса... — я протянула ему планшет, показывая строку с данными. — Если его пробить... То можно увидеть, что он принадлежит Хавьеру.

Сделала паузу.

— Фабио, твой консьюери... Он тебя обкрадывает.

Он выхватил планшет из моих рук так резко, что устройство едва не выскользнуло. Его взгляд, обычно такой нечитаемый и холодный, прилип к экрану, выискивая каждую деталь в строках кода и цифрах. Тень скользнула по его лицу, брови сомкнулись в единую линию, а губы плотно сжались, будто сдерживая поток ярости, готовый вырваться наружу.

— Вот сука... — это слово прозвучало не громко, но с злобой, что по спине пробежали мурашки. Он откинулся на подушки, все еще впиваясь в экран, и я видела, как напряглась его челюсть, как задвигались мышцы на скулах. — Этот жалкий, жадный ублюдок... Все эти годы... Прямо у меня под носом.

Он швырнул планшет на одеяло, и тот отскочил с глухим стуком. Его грудь вздымалась в беззвучном, яростном ритме. Он провел рукой по лицу, и на мгновение в его глазах мелькнуло нечто большее, чем просто гнев — усталое, горькое разочарование.

Фабио резко поднялся с кровати, словно его отбросило невидимой силой. Он начал метаться по комнате, его шаги были отрывистыми и громкими по паркету. Каждый его жест, каждое движение выдавало сдерживаемую ярость — сжатые кулаки, резкие повороты головы, тяжёлое дыхание.

Видеть его таким — редкость.

— Чертов старик, — прорычал он сквозь стиснутые зубы, и слова прозвучали как плевок.

— Фабио, — тихо, но настойчиво начала я, следя за его

перемещениями по комнате. — Он обкрадывает тебя не годами. Он начал недавно. Сначала это были небольшие суммы, которые ты бы не заметил, потому что не проверял так тщательно. Он начинал с малого, испытывая почву. А потом суммы стали расти.

Фабрио схватил телефон с тумбочки, его пальцы с силой сжали корпус. Он быстрым движением набрал номер, и я, невольно опустив взгляд, заметила отчётливый силуэт под тканью его боксеров. Холодная волна прошла по моей спине.

— Хавьер... — его голос в трубке был низким, почти звериным рыком. — Жду тебя завтра у себя и без опозданий.

Он бросил трубку, даже не дослушав ответа, и тут же снова поднес аппарат к уху, быстрым движением набрав другой номер.

— Элиса, — произнес он, и мое сердце упало, узнав имя одной из его девушек.

Глухая боль сжала грудь, стало трудно дышать. Я поднялась с кровати, не говоря ни слова, и вышла из его комнаты, стараясь, чтобы шаги были бесшумными. Дверь закрылась за мной с тихим щелчком, отсекая меня от того, что должно было произойти дальше.

Я вошла в свою комнату, притворив дверь так тихо, будто боялась разбудить собственное отражение. Подошла к раковине, умылась ледяной водой, но она не смогла смыть тяжесть с души. Потом опустилась на стул перед туалетным столиком, уставившись на свое лицо в зеркало.

— Может, со мной что-то не так? — прошептала я, вглядываясь в собственные черты.

Слишком обычные? Недостаточно выразительные?

Я встала и медленно приподняла футболку, изучая отражение торса.

Может, фигура? Недостаточно изгибов? Слишком угловатая? Не та, что может вызвать желание?

Потом провела рукой по волосам, собранным в небрежный хвост.

Может, они как солома? Слишком тусклые? Может, они пахнут не так, как должно? Не тем шампунем? Не той женственностью?

Каждый вопрос оставлял на душе новый шрам. Я искала изъяны, пытаюсь понять, почему я — та, кого держат рядом, но никогда не хотят по-настоящему.

За все эти годы я не слышала ни одного комплимента, кроме того, что когда-то сказала Сара. И от ее слов по телу разлилось такое тепло, такая странная, забытая нежность, что я тогда растерялась и не нашлась, что ответить.

И сейчас, вспомнив это, я невольно улыбнулась своим же мыслям. Всего одно слово стало тем единственным, что греет изнутри, когда становится особенно холодно.

— Фабио, я тут! — донёсся из коридора мелодичный, полный ожидания голос Элисы.

Я замерла, слушая, как её быстрые, уверенные шаги затихают за дверью его спальни. Глухая боль снова сжала сердце.

Что со мной не так? Почему я не заслуживаю даже простого комплимента? Почему мне недоступно то, что так легко даётся им — его внимание, его прикосновения, его желание?

Все его девушки свободны. Они приезжают и уезжают, когда захотят, живут своей жизнью. Их присутствие здесь — мимолётное развлечение, а не вечное заточение. А я всегда на месте. Как мебель, которую переставили в угол и забыли. Самая ненужная.

Из-за двери, неплотно прикрытой, донеслись приглушенные, но отчетливые звуки: мягкие шлепки кожи о кожу, слышные лишь в тишине ночного коридора. Потом вырвался тихий, сдавленный стон Элисы — не крик, а скорее выдох, полный томления и какой-то влажной, тёплой податливости.

Я зажмурилась, вжимаясь в спинку кровати. Каждый звук был как игла, вонзающаяся под кожу. Они не просто занимались сексом.

Они наслаждались.

Её стоны были живыми, настоящими, а не вымученной формальностью. Он мог быть страстным, мог терять контроль, мог издавать такие же низкие, хриплые звуки в ответ — просто не со мной.

Я была ему не нужна.

Я просто не та.

По щеке скатилась горячая слеза, оставившая на коже влажный след. Я резко вытерла её тыльной стороной ладони, словно могла стереть и саму причину этой боли.

— Может, я толстая? — прошептала я, вставая и подходя к зеркалу в полный рост. Я повернулась боком, критически изучая свой силуэт.

Может, в бёдрах слишком много? Или живот недостаточно плоский?

«Надо сесть на диету», — решила я, уже мысленно перебирая списки запрещённых продуктов. Завтра же. Только чай, может немного овощей... Если я стану стройнее, может тогда... Может тогда он посмотрит на меня по-другому.

Я подошла ближе к зеркалу, почти в упор разглядывая россыпь веснушек на переносице и щеках.

«Может, они ему не нравятся? — подумала я, проводя пальцем по крапинкам. — Слишком просто... Слишком по-деревенски. Как будто мышки накакали».

Горькая усмешка вырвалась наружу. Я представила, как тщательно замазываю их тональным кремом, как делала это перед важными мероприятиями. Может, стоит так ходить всегда? С идеально ровным, фарфоровым лицом, без единой черточки индивидуальности?

Может, тогда...

Глава 3

Я провела у зеркала больше часа.

Тональный крем лег плотным слоем, тщательно маскируя каждую веснушку, пока лицо не стало напоминать безупречную, но безжизненную маску. Я нанесла немного туши и прозрачный блеск для губ — достаточно, чтобы выглядеть ухоженной, но не вызывающей.

Из шкафа я достала свободную футболку пастельного цвета и шорты, доходящие до колен, чтобы скрыть бедра, которые мне вдруг показались слишком полными. Волосы я туго заплела в шишку, убирая с лица каждую непокорную прядь.

В итоге в зеркале на меня смотрела аккуратная, но совершенно чужая девушка. Чистая, прилизанная и безлика. Как будто я старательно стирала саму себя, чтобы стать тем, кем, как мне казалось, он хотел бы меня видеть.

Я вышла к завтраку, стараясь, чтобы мои движения были плавными и бесшумными. Села на своё обычное место, положив салфетку на колени. На тарелке лежали яичница-глазунья и хрустящий бекон, но я лишь отпила несколько глотков чёрного чая без сахара и отодвинула от себя яйцо, съев не больше ложки.

Каждый кусок, который я проглатывала, казался мне предательством, шагом назад от той невидимой, но такой желан-

ной цели — стать другой, той, кого он, возможно, наконец заметит.

Фабио вошел в столовую, и за ним, словно тень, следовала Элиса. Её тёмные волосы были растрёпаны в модной небрежности, смуглая кожа сияла здоровьем, а тёмные глаза блестели сдержанным торжеством.

— Привет, — бросила она мне, сверкнув белоснежной улыбкой.

— Привет, — прошептала я, опуская взгляд на свою почти нетронутую тарелку.

— Ой, а ты чего не ешь? — её взгляд скользнул по моей еде, а затем оценивающе вернулся ко мне. — Худеешь, что ли?

— Я просто не голодна, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, и отодвинула тарелку ещё дальше, будто она была уликой.

— М-м-м, ясно, — она тихо рассмеялась, и в её смехе не было злобы, лишь лёгкая, дружелюбная снисходительность, от которой стало ещё горше. — Ладно, Фабио, я поехала, — она поднялась на цыпочки и звонко поцеловала его в щёку. — Пока, Елена.

— Пока, — прошептала я в ответ, глядя, как её стройная фигура скрывается за дверью, оставляя после себя лёгкий шлейф дорогих духов и ощущение моей собственной неловкости.

Фабрио занял своё место во главе стола и начал завтракать

с привычной, размеренной точностью.

Когда я поднялась, чтобы выйти, его голос остановил меня, прозвучав спокойно, но весомо:

— Куда?

— Я просто хотела прогуляться по саду, — ответила я, чувствуя, как его взгляд тяжелеет на мне.

Он медленно опустил вилку, и её звон о фарфор прозвучал неожиданно громко в тихой столовой.

— Ты ничего не съела, — произнёс он, указывая кончиком столового прибора на мою нетронутую тарелку.

— Я не голодна, — повторила я, стараясь, чтобы мои слова прозвучали убедительно.

Он откинулся на спинку стула, и его тёмные, пронизательные глаза уставились на меня с пристальным, изучающим вниманием. Он не спускал с меня взгляда, и под этим молчаливым давлением я почувствовала, как по спине пробегают мурашки.

Он провёл рукой по подбородку, где уже начала проглядывать тёмная щетина, и его взгляд стал ещё более пристальным.

— Поешь, — произнёс он уже без вопроса, мягко, но так, что стало ясно — это не просьба.

— Я же сказала, что не голодна, — попыталась я парировать, чувствуя, как сжимается желудок. — Поем в обед.

— В обед ты тоже ничего не съешь, — возразил он, и в его голосе прозвучала уверенность, которая возникала, ко-

гда он знал, что я лгу. — Ты всегда так делаешь, когда чем-то расстроена.

— Съем, — упрямо повторила я, опуская взгляд на ска-терть.

Он помолчал, давая напряжению нарасти, а затем спросил, сменив тему так резко, что я вздрогнула:

— Почему нарядилась?

— Просто... Настроение хорошее, вот и нарядилась, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал легко и естественно.

— До этого ты так никогда не нарядилась, — парировал он, его взгляд скользнул по моему лицу, будто изучая каждый штрих. — И глаза у тебя не весёлые, Елена. Они пустые.

— Они не пустые, — попыталась я возразить, но голос дрогнул, выдавая неуверенность.

— Садись и ешь, — его тон не оставлял пространства для споров. Он отодвинул стул. — И смой с себя эту штукатурку.

— Я сказала, что не хочу есть, — голос дрогнул, но я выпрямила спину. — И не буду смывать макияж. Я потратила на него целый час.

Фабрио молча встал, его движения были резкими и точными. Прежде чем я успела отреагировать, он схватил меня за плечи и грубо усадил на свой стул. Затем он взял мою тарелку, зачерпнул полную вилку яичницы и, силой разжав мне челюсти, стал запихивать еду в рот.

— Ты будешь есть, — прошипел он сквозь стиснутые зу-

бы, его глаза горели холодным огнем. — Я не позволю тебе умирать с голоду прямо у меня на глазах.

— Я не хочу, — попыталась я выговорить с набитым ртом, но слова превратились в невнятную кашу.

— Молчи, — отрезал он, продолжая методично кормить меня. Внезапно его пальцы вцепились в мой тугой пучок. — И зачем ты вообще волосы так заплела? — он резко дёрнул, и резинка со щелчком лопнула, выпуская пряди. — Как у старухи.

— Это мой имидж! — попыталась я выкрикнуть, но его действия были стремительными и непререкаемыми.

— Хуйня твой имидж, Елена, — проговорил он, его голос прозвучал резко и грубо. — Это полная херня. Ты делаешь из себя какую-то ненастоящую куклу. Спрятала своё лицо за тонной этой дряни.

Он схватил влажную салфетку со стола и грубо принялся тереть мне лицо, смывая слой тонального крема и румян. Движения его были резкими, почти яростными.

Я попыталась резко отвернуться, но его пальцы впились в мои щёки, с силой удерживая лицо на месте.

— Сиди смирно, — прозвучало как приказ, не терпящий возражений.

Мокрая салфетка грубо скользила по коже, сдирая слой тонального крема. С каждым движением проступала моя настоящая кожа — смуглая, с россыпью веснушек на переносице и щеках, которые я так старательно пыталась скрыть.

— Фабио! — я резко дёрнулась, и мои щёки загорелись под его грубыми пальцами. — Мне ведь больно!

Он замер на мгновение, его взгляд, полный холодной ярости, смягчился на долю секунды. Хватка ослабла, но он не отпустил меня. Влажная салфетка снова коснулась кожи, но теперь движения стали медленнее, почти нежными. Он продолжал стирать макияж, но теперь его пальцы скользили по моим скулам осторожно, будто снимая невидимую маску, которую он сам же и ненавидел.

— Сначала доешь, — его голос прозвучал тише, но всё так же непреклонно. — Потом сходишь и умоешься как следует.

Я медленно кивнула, чувствуя, как дрожь постепенно отступает. Взяв вилку, я снова принялась за еду, на этот раз уже без сопротивления. Каждый кусок казался безвкусным, но я механически проглатывала его, украдкой наблюдая, как он отходит к окну и, отвернувшись, закуривает сигарету.

Через время я подставила лицо под струю холодной воды, смывая остатки тонального крема и чувство унижения. Вода смешалась с предательскими слезами, но я быстро вытерла лицо, стараясь привести себя в порядок.

Едва я вышла из ванной, как услышала сдержанные, но гневные голоса из кабинета. Дверь была приоткрыта. Я замерла в коридоре, не в силах отойти.

— ...Столько лет, Хавьер, — голос Фабио звучал тихо, но от этой тишины кровь стыла в жилах. — И ты решаешься на такое?

Последовал глухой удар, от которого содрогнулись стены. Я прижалась к косяку, увидев, как Хавьер, сгибаясь, отлетел к книжным шкафам. Фабио стоял над ним, его кулаки были сжаты.

— Босс, я... — начал Хавьер, поднимаясь с пола и прижимая руку к окровавленной губе.

— Твою мать, Хавьер! — голос Фабио прозвучал как удар бича, заставляя вздрогнуть даже меня в коридоре. Он шагнул вперёд, его тень накрыла старика. — Ты меня обдирал как последнюю овцу! Ты за кого, блять, меня держишь? А? Думаешь, я слепой? Или просто решил, что я уже настолько мягкий, что мне можно в карман лазить?

— Я не хотел... Я... — голос Хавьера прервался, переходя в хриплый шёпот.

Больше он ничего не успел сказать.

Глухой, лаконичный выстрел начисто оборвал его оправдания. Звук был негромким, приглушённым, но от него заложило уши. Тело Хавьера осело на пол беззвучно и окончательно.

Всё.

Я закрыла рот рукой, чтобы случайно не вскрикнуть.

Фабио вышел из кабинета, его пиджак был безупречен, лишь на тыльной стороне правой руки алела небольшая капля, которую он медленно, почти небрежно вытер платком. Он остановился передо мной, и его тёмные глаза безразлично скользнули по моему лицу.

Я стояла как вкопанная, не в силах отвести взгляд. Во рту пересохло, но это был не страх смерти — я давно смирилась с её постоянным присутствием в нашем мире. Просто... Фабрио редко приводил приговоры в исполнение вот так, сразу, не уводя жертву в безлюдное место. Эта демонстративная жестокость в его же кабинете, почти что на моих глазах, была посланием. И я понимала, что это послание адресовано в том числе и мне.

— Теперь я без консильери, — он произнёс это тихо, больше для себя, глядя куда-то поверх моей головы. Его взгляд был отстранённым, будто он уже просчитывал варианты, последствия, новых кандидатов. — Придётся искать нового.

Я молча смотрела на него, всё ещё чувствуя металлический привкус страха и шока на языке.

Он перевёл взгляд на меня, и в его глазах на мгновение появилась какая-то сложная, незнакомая мне тень.

— Ты помогла мне, — сказал он, и в его голосе прозвучало нечто, отдалённо напоминающее признательность. — Спасибо.

— Пожалуйста... — прошептала я, и это слово прозвучало так тихо, что его едва можно было расслышать.

— Сегодня снова в ледяную ванную, — объявил он, и в его голосе не было ни капли сомнения.

— Но ты ведь недавно уже был там... — робко возразила я, поднимая на него встревоженный взгляд. — Фабио, ты так

заболеешь. Это же слишком даже для тебя.

— Заболею? — он медленно повторил мои слова, и в уголках его губ дрогнула тень улыбки. — Нет, не заболею. Мое тело привыкло к гораздо худшему, чем ледяная вода.

Спустя несколько часов, когда вечерние тени уже густо легли на пол, мы снова спустились в подвал. Воздух в помещении с ванной был влажным и холодным. Фабио, не говоря ни слова, сбросил с себя одежду и медленно погрузился в ледяную воду. Его лицо на мгновение исказилось от шока, но он тут же взял себя в руки.

Его мокрая, холодная рука нашла моё запястье и сомкнулась вокруг него с привычной, твёрдой хваткой. Он откинул голову на край ванны и закрыл глаза, а я сидела на краю, чувствуя, как холод от его кожи проникает в мою, и понимала, что это — ещё один вечер, ещё одно испытание, которое ему почему-то необходимо пройти.

Я не удержала равновесия — мой ботинок скользнул по мокрому мрамору, и с коротким, перехваченным визгом я рухнула вперёд. Ледяная вода захлестнула меня, обжигая кожу, когда я всей тяжестью обрушилась на него, грудь к груди.

Визг застрял у меня в горле, превратившись в резкий, ледяной вздох. Вода хлынула через край ванны. Я оказалась сверху, прижатая к его мокрому, холодному телу, дрожа от шока и пронизывающего холода.

Я вылетела из ледяной воды, как ошпаренная, вся дрожа от холода и шока. Мокрая одежда липла к телу, а зубы вы-

бивали дробь.

— Твою мать... Твою мать... — беззвучно шептала я, обхватив себя руками и пытаюсь согреться. Вода с меня текла ручьями, образуя лужу на мраморном полу.

Фабрио медленно поднялся из воды. Ледяные струйки стекали по его торсу, но он, казалось, не обращал на холод никакого внимания. Его взгляд был прикован ко мне.

— Ты... — я пыталась говорить, но зубы выбивали такую дробь, что слова срывались. — Ты как... Там сидишь, Фабрио... Боже...

Фабрио сделал шаг из ванны, затем ещё один. Вода стекала с него, но его движение было неотвратимым, как движение прилива. Он шёл прямо на меня, а я стояла, не в силах сдвинуться с места, прикованная его взглядом.

Мои глаза были широко раскрыты, я смотрела прямо в его — тёмные, бездонные, в которых читалась какая-то непонятная, но неумолимая решимость. Он не останавливался, сокращая дистанцию между нами с каждым своим шагом, и воздух вокруг сгущался, наполняясь напряжённым ожиданием.

— Одежду снимай, — его голос прозвучал резко, но без злости, скорее с практичной необходимостью.

— Что? — я не сразу поняла, всё ещё дрожа от холода.

— Елена, говорю тебе — сними одежду. Так будет холоднее, намного. Она же насквозь мокрая.

Поняв логику его слов, я, всё ещё дрожа, начала стаски-

вать с себя промокшую футболку и шорты. Они с трудом отлипали от кожи, хлюпая. Вскоре я осталась лишь в моём нижнем белье, чувствуя, как холодный воздух окутывает обнажённую кожу, и дрожь стала лишь сильнее.

Он сделал последний шаг, полностью сократив расстояние между нами. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с его взглядом.

— Холодно, — выдохнула я, и моё тело содрогнулось мелкой дрожью.

Он не сказал ни слова, но его руки поднялись, снимая с вешалки большое махровое полотенце. Затем он обернул его вокруг моих плеч, его пальцы на мгновение задержались на моей коже, и я почувствовала исходящее от него тепло, такое резко контрастирующее с ледяным холодом, исходящим от его собственного тела.

Фабио скинул с себя мокрые трусы, и они с тихим шлепком упали на пол. Он взял второе, сухое полотенце и быстро обмотал его вокруг бедер. Затем его рука легла на мою спину, между лопаток, и он мягко, но настойчиво подтолкнул меня к выходу.

Мы молча поднялись по лестнице на первый этаж. Я шла, закутавшись в полотенце, все еще дрожа, но уже не так сильно. Его присутствие позади меня ощущалось как щит — грозный и необъяснимый, но в тот момент дающий странное чувство защищенности.

— Иди ложись спать, — его голос прозвучал у меня за

спиной, ровный и усталый.

— Хорошо, — кивнула я, не оборачиваясь, и начала подниматься по лестнице на второй этаж.

Краем глаза я заметила, как он свернул в сторону кухни, вероятно, чтобы налить себе выпить после всего, что произошло сегодня. Я же продолжила путь к своей комнате, чувствуя, как тяжесть дня наваливается на плечи, и зная, что сон не придёт легко.

Ночью я проснулась от неясного шума. Открыла глаза и, немного поморгав, заметила, что дверь в мою комнату открыта. Я чуть приподнялась на локте и увидела его: Фабио сидел на пуфике у моего туалетного столика, его силуэт был освещён лишь лунным светом из окна.

— Фабио? — мой голос прозвучал громче, дрожа от внезапного пробуждения и его необъяснимого присутствия. — Что ты здесь делаешь?

— М-м-м? — он обернулся, и в лунном свете я увидела его стеклянный, несфокусированный взгляд. Его могучие плечи были расслаблены, а движения — размашистыми и неточными. — Пришел проверить, как ты спишь. Та самая... Которая сегодня вечером в ванну кувыркнулась. Словно испуганный котенок.

Он неуверенно поднялся, слегка покачиваясь.

— Я... Нормально сплю, — пробормотала я, отодвигаясь к изголовью.

— Это хорошо, — он сделал шаг к кровати, затем еще

один, опираясь рукой о спинку. — Скажи мне... Тебе холодно? — его слова были густыми, пьяными, но в них сквозила какая-то навязчивая озабоченность.

— Нет, — ответила я, чувствуя, как сердце замирает, когда он поставил колено на матрас. — Фабио, что ты...

— А мне холодно, — перебил он меня, его голос прозвучал тихо, почти уязвимо. Он тяжело опустился на кровать, пружины прогнулись под его весом, а затем натянул одеяло на себя, укладываясь рядом. — Холодно до самых костей.

— Я же говорила, что это будет лишним, если ты снова ляжешь в ледяную ванну сегодня, — прошептала я, глядя на его профиль в лунном свете.

Он медленно повернул ко мне голову, его взгляд был мутным, но в нём читалось упрямство.

— Думаешь? — он с трудом сформулировал вопрос, опершись головой на руку. — Думаешь... Мне поэтому холодно?

— Да, — ответила я твёрже, чем ожидала сама. — Ты дошёл себя до изнеможения. Твоё тело просто не выдерживает такого.

— Может ты и права, — его шёпот прозвучал устало и, возможно, впервые с оттенком смирения. Его пальцы, всё ещё холодные, обхватили моё запястье, но на этот раз без привычной железной хватки.

Он тяжело перевернулся на спину, увлекая за собой мою руку, и закрыл глаза.

— Давай спать... — это прозвучало не как приказ, а как просьба, растворённая в темноте и виски.

Я медленно опустилась на подушку, повернувшись к нему спиной. Моя рука, которую он всё ещё держал, осталась за спиной в неестественном положении.

— Почему отвернулась? — его голос прозвучал прямо у меня затылке, тихо, но настойчиво. — Тебе ведь так будет неудобно.

Я замерла на секунду, затем, не говоря ни слова, развернулась обратно. Теперь мы лежали лицом к лицу, разделённые лишь сантиметрами темноты, а его пальцы по-прежнему сжимали моё запястье, словно боясь, что я исчезну.

Фабио не отрывал от меня взгляда. Его палец, шершавый и тёплый, медленно провёл по моей щеке, скользя от скулы к виску и касаясь каждой веснушки на своём пути, будто читая тайные знаки.

— Хочешь куда-нибудь съездить? — спросил он неожиданно.

— М? — я не сразу поняла, о чём он.

— Можем куда-нибудь поехать, — повторил он, его палец замер у моей брови. — Например, в ту же Грузию, чтобы ты нагулялась вдоволь. Или в Таиланд. Или на Мальдивы. Куда захочешь?

— Почему? — слово сорвалось с моих губ тише шепота, но в тишине комнаты оно прозвучало оглушительно громко. Я смотрела на его руку. — Почему ты вдруг спрашиваешь

меня, куда я хочу поехать?

Он медленно перевел на меня взгляд, его глаза, затуманенные виски, пытались сфокусироваться.

— Что?

— Почему ты предлагаешь это сейчас? — настаивала я, чувствуя, как в груди поднимается знакомый барьер недоверия. — После всего, что случилось. После того, как ты вернул меня обратно. Почему вдруг такая щедрость?

Он глубоко вздохнул, и его взгляд ушел куда-то в сторону, в темноту за окном.

— Я сам уже устал от Барселоны, Елена, — его голос прозвучал низко и устало. — От этих бесконечных стен, от этого воздуха, который пахнет деньгами и предательством. От этой роли. Потому отдохнуть здесь, по-настоящему, не получится, но уехать... Сменить обстановку... Почему бы и нет?

— И на кого ты оставишь свой «пост»? — спросила я, вкладывая в это слово всю ту горькую иронию, которую чувствовала. — Кто будет править твоим королевством, пока король будет в отъезде?

— На Уго, — он ответил без тени сомнения, как будто этот план давно созрел в его голове. — Он справится. Он знает все нити.

Его старший капитан. Человек с ледяными глазами и железной хваткой. Логично. Практично. И от этого предложение не становилось менее невероятным.

Я долго смотрела на него, пытаясь найти в его чертах под-

вох, скрытую уловку. Но видела лишь усталость, проступающую сквозь маску непоколебимости.

— Ну, если... — я начала, и мой голос дрогнул, выдавая смесь надежды и страха. — Если ты действительно предлагаешь это всерьёз... — я сделала паузу, собираясь с духом. — То почему бы не съездить обратно в Грузию? Чтобы я наконец увидела ее не из окна отеля. Чтобы я могла нагуляться вдоволь.

— Грузия, так Грузия, — согласился он, и в его голосе прозвучала твёрдая, почти деловая нота, словно мы обсуждали не внезапную поездку, а очередную сделку.

Я замерла, боясь поверить, но не в силах не спросить о главном:

— Только... Мы вдвоём?

— И охрана, — поправил он, его практичный ум не мог полностью отключиться даже сейчас. — Без этого никак.

Я молча кивнула, понимая неизбежность этого условия.

Но затем он добавил то, что заставило моё сердце на мгновение остановиться:

— *Без девушек.* — Он произнёс это просто, без всякого пафоса, как само собой разумеющееся.

Глава 4

Я сидела в глубоком кресле в библиотеке, уткнувшись в книгу — очередную часть книги про магов. Мир магии и храбрости был таким далёким от моей реальности, что я цеплялась за каждую строчку. Чтение всегда было моим спасением, единственным способом сбежать, не сдвигаясь с места.

— Фабио! — мелодичный голос Беатрис прорезал тишину библиотеки, заставив меня вздрогнуть.

Я не поднимала глаз от книги.

— Иди в комнату, — прозвучал голос Фабио. Спокойный, ровный, но с той самой стальной нотой, которая не оставляла места для возражений.

Беатрис, не проронив больше ни слова, развернулась и вышла, её каблук отстукивали по паркету обиженный ритм. В библиотеке снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом моей страницы.

— Елена, — его голос заставил меня поднять взгляд от книги. Он стоял в дверном проёме, его фигура отбрасывала длинную тень на ковёр. — К шести вечера будь готова. Вылетаем в шесть тридцать.

— Хорошо.

Он развернулся и вышел, оставив меня наедине с внезапно обесценившимся миром и нарастающим вихрем тревожного ожидания.

Я снова уткнулась в книгу, пытаюсь сосредоточиться на строчках, но буквы расплывались перед глазами. Из-за стен доносились приглушённые звуки — сдержанные стоны Беатрис, перемежающиеся с низким голосом Фабио.

Я вжималась в кресло глубже, пытаюсь заглушить реальность магией Хогвартса, но каждое эхо страсти за стенами напоминало мне о моём месте в этом доме — вечной наблюдательницы, вечной изгоя.

Я захлопнула книгу, и звук прозвучал неестественно громко в тихой библиотеке. Выйдя в коридор, я прошла мимо его комнаты. Дверь была приоткрыта, и оттуда донесся сдавленный стон Беатрис, за которым последовал отчётливый, резкий шлепок по коже. Я ускорила шаг, не оборачиваясь.

Войдя в свою комнату, я закрыла дверь, прислонившись к ней спиной на мгновение. Затем, сделав глубокий вдох, я направилась к шкафу. Достала чемоданы, расстегнула их на кровати и начала методично складывать одежду, стараясь не думать ни о чём, кроме списка необходимого. Каждая аккуратно сложенная вещь была маленьким шагом к предстоящему побегу — на этот раз с его разрешения.

Я перебрала несколько купальников в шкафу, остановившись на простом тёмно-синем — без лишних деталей, который не привлекал бы излишнего внимания. Аккуратно свернула его и положил на дно чемодана.

Затем собрала свои сокровища: флакон духов с ярким,

пробуждающим ароматом цитруса, который напоминал о свободе; тюбики и баночки с уходом за лицом, выстроенные в ряд; шампуни и маски для волос. Каждый предмет занимал своё чёткое место, создавая иллюзию контроля над предстоящим путешествием.

Щёлкнули замки чемодана, и я отодвинула его к двери. Теперь оставалось только ждать.

Я вышла из комнаты и спустилась вниз, на кухню. Достала из холодильника контейнер с черникой, насыпала горсть в миску и уставилась в окно, механически перебирая ягоды. Взгляд застыл на одной точке где-то в саду, но мысли были далеко — в Грузии, которую я почти не видела, в поездке, которая казалась одновременно и подарком, и новой ловушкой.

— Фабио, как ты меня назвал?! — её пронзительный голос, полный ярости и обиды, прозвучал на лестнице, заставив меня вздрогнуть и разжать пальцы над миской с черникой.

— Никак, — его ответ был ледяным и плоским, словно он отмахивался от назойливой мухи.

— Нет, ты назвал меня... — её голос дрожал от негодования, она уже собиралась выпалить это слово, это оскорбление, которое, видимо, вывело её из себя.

— Закрой рот! — его крик прозвучал как удар хлыста. В нём было столько внезапной ярости, что даже воздух, казалось, застыл. — Выметайся отсюда.

Наступила мёртвая тишина. Я не видела их, но представляла, как Беатрис замирает, поражённая таким тоном, а Фабио стоит, излучая холодный гнев. Затем послышались быстрые, нервные шаги по мрамору, удаляющиеся к выходу.

Фабио вошёл на кухню, одетый лишь в простые чёрные шорты. Его волосы были слегка растрёпаны, а на смуглой коже виднелись свежие царапины. Он остановился в дверном проёме, его взгляд скользнул по мне и по миске с черникой.

— Ты готова? — спросил он, его голос был хриплым, но уже без следов недавней ярости.

— Да, — кивнула я, слегка отодвигая от себя миску. — Я уже всю одежду собрала.

— Кушай, кушай... — он сделал небрежный жест рукой. — Время ещё есть. Я сам только пойду собираться.

— Хорошо, — тихо ответила я.

Он постоял ещё мгновение, его тёмные глаза внимательно изучали моё лицо, будто ища в нём ответ на не заданный вслух вопрос. Затем он резко развернулся и вышел, оставив меня в тишине кухни с половинкой черники во рту и комом тревожного ожидания в горле.

Мы уже мчались по трассе в аэропорт. Я сидела на заднем сиденье рядом с Фабио, глядя на мелькающие за окном огни. Всё произошло стремительно: нас проводили через отдельный вход, и вот мы поднимаемся по трапу на частный самолёт.

Я выбрала кресло у иллюминатора. Пока охрана и стюар-

ды заносили наши чемоданы, я достала телефон. На экране горел значок сети, но это была не обычная связь — а специально выстроенная для меня цифровая клетка, прозрачная и прочная.

— Фабио, — я повернулась в его сторону, чувствуя, как телефон тяжелеет в руке.

— Да? — он оторвался от планшета, его взгляд был спокоен и немного отстранён.

— Почему я не могу сидеть в нормальном интернете? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, а не срывался на жалобу. — Почему только эта специальная сеть?

— А что у тебя там, в этом «нормальном» интернете? — он отложил планшет и скрестил руки на груди, его внимание теперь было полностью приковано ко мне.

— Ты прекрасно знаешь, что у меня там могло бы быть! — в моём голосе прозвучала долго сдерживаемая горечь. — Связь с миром. С людьми. Возможность просто... Читать новости, которые не прошли твою цензуру.

— А ты про это... — он медленно кивнул, как будто понимая. — Ты хочешь нормальный, открытый интернет? Без ограничений?

— Да, — выдохнула я, чувствуя, как учащается пульс. — Допустим, с этим я не могу выйти в тот же самый «Инстаграм». Не могу увидеть, что происходит за стенами этого мира.

— Ты хочешь себе «Инстаграм»? — в его голосе прозвуч-

чало неподдельное удивление, смешанное с лёгкой насмешкой. — Зачем он тебе? Чтобы выкладывать селфи? Смотреть, как живут другие?

— Чтобы смотреть рилсы, читать новости от обычных людей, может, смотреть какие-то видео... — я замолчала, понимая, насколько это всё звучало мелко и незначительно в сравнении с его миром. — Чтобы просто чувствовать себя частью чего-то большего, чем эти четыре стены.

— И... Тебе это нравится? — он задал вопрос так, будто спрашивал о вкусе какого-то экзотического блюда. — Вся эта мишура?

— Это нравится очень многим, Фабио, — тихо, но настойчиво ответила я. — Ты получаешь оттуда информацию, можешь чему-то научиться, просто отвлечься... Это не мишура. Это — жизнь.

Он молча протянул руку, и я на мгновение замерла, прежде чем отдать ему телефон. Его пальцы уверенно скользнули по экрану, он открыл настройки, ввёл несколько сложных паролей, которые, казалось, знал наизусть. Я видела, как его взгляд сосредоточенно бежит по строкам кода, меняя параметры, снимая невидимые оковы.

Через пару минут он протянул телефон обратно. На экране больше не было значков ограничений.

— Качай свой «Инстаграм» и всё остальное, что захочешь, — произнёс он просто, как будто только что выдал мне пропуск в соседнюю комнату, а не в целый мир, который был

для меня закрыт годами.

Я взяла телефон дрожащими пальцами.

— Спасибо, — прошептала я, и это слово прозвучало гораздо значительнее, чем просто благодарность за доступ к соцсетям. Оно означало нечто большее — крошечное, но настоящее доверие.

Самолёт с гулом набирал высоту, и я, наконец отпущенная в цифровое пространство, скачала приложение. Процесс регистрации, выбор ника. Я подписалась на нескольких знаменитостей, которых ещё помнила, и погрузилась в бесконечный поток рилсов. Смешные скетчи, милые животные, короткие жизненные истории — всё это было ново и гипнотически притягательно.

Но я чувствовала его взгляд. Фабио не пялился открыто, он читал отчёт, но я видела, как его взгляд скользит в сторону моего экрана, задерживаясь на мелькающих картинках.

— Покажи мне, — он, наконец, отложил планшет и наклонился ко мне, и я снова почувствовала знакомый парфюм.

Я стала показывать ему рилсы. На смешном видео с котом я не сдержала короткого смешка.

— Это смешно? — спросил он, его голос был ровным, но в глазах читалось неподдельное любопытство.

— Да! — воскликнула я. — Тебе разве не смешно? Не будь таким слишком взрослым, Фабио. Смотри, — я ткнула пальцем в экран, — Этот кот пытается поймать свой же хвост и падает. Это же мило и забавно. Мы улетаем в Гру-

зию, прочь от твоего поста, от всех этих дел. Ты должен чувствовать... Ну, если не радость, то хотя бы лёгкость.

— Ха-ха-ха, — он изобразил плоский, абсолютно безжизненный смех, который прозвучал скорее как насмешка над самой идеей веселья. — Так сойдёт?

— Фабио... — я невольно чуть нахмурилась, глядя на него. В памяти всплыли моменты, когда я слышала его настоящий, низкий смех из-за двери — когда он был с Беатрис или с кем-то ещё. Со мной же он никогда не смеялся по-настоящему. Со мной он был другим — сдержанным, отстранённым, почти формальным.

— М? — он поднял бровь, ожидая продолжения.

Но что я могла сказать? «Почему с другими ты можешь расслабиться, а со мной — нет?» Это звучало бы как жалоба, как признание в собственной неполноценности.

— Ничего, — я покачала головой и снова уткнулась в экран, пытаясь найти утешение в бесконечном потоке чужих жизней и сиюминутных шуток, которые вдруг стали казаться пустыми и бессмысленными.

Самолёт плавно коснулся взлётной полосы аэропорта в ночной Грузии. За окном мелькали огни, чужие и манящие. Мы вышли под прохладный ветер, пахнувший горным воздухом и чужими цветами, и сели в ожидавший нас внедорожник.

Машина тронулась, увозя нас в неизвестность. Я смотрела на огни города, просыпавшегося вдали.

— Где мы будем жить? — наконец спросила я, нарушая тишину в салоне.

Фабио, до этого смотревший в своё окно, медленно повернул ко мне голову.

— В доме, — ответил он просто. — Не в отеле. У меня здесь есть свой дом. На окраине города, в горах. Там тише.

— Ты купил этот дом специально для отдыха? — уточнила я, представляя себе нечто монументальное и безличное, как и всё, что его окружало.

— Да, — коротко кивнул он, его взгляд скользил по тёмным очертаниям гор за окном.

— Но там, в горах... Наверное, будет холодно? — спросила я, поёжившись от предчувствия. После ледяной ванны само слово «холод» вызывало у меня внутреннюю дрожь.

Он на секунду задумался.

— Ночью — да. Но там есть камин. И... — он слегка повернулся ко мне, — Тёплые одеяла.

— Не люблю холод, — выдохнула я почти неслышно, прижимаясь лбом к прохладному стеклу. В темноте за окном проплывали расплывчатые огни, и каждый из них казался мне маленьким, тёплым домом, в котором люди живут обычной жизнью. — Он проникает внутрь, в самые кости, и его уже не выгнать.

Я чувствовала, как его взгляд тяготеет на мне, изучающий и тяжёлый.

— Я знаю, — наконец произнёс он, и его голос прозвучал

тише обычного. — Потому и камин и одеяла.

Внедорожник остановился перед двухэтажным каменным домом, почти невидимым в ночи. Я вышла, и резкий горный ветер ударил мне в лицо, заставив вздрогнуть. Войдя внутрь, я ощутила, как прохлада пустых комнат обволакивает меня — дом пах пылью, деревом и долгим отсутствием жизни.

Пока я стояла в нерешительности посреди гостиной, согревая себя сжатыми руками, Фабио снял свой тёмный пиджак и набросил его мне на плечи. Тяжёлая ткань всё ещё хранила тепло его тела. Я замерла, не в силах пошевелиться, пока он, не говоря ни слова, опустился перед камином и начал раскладывать дрова — его движения были точными, привычными к этому простому действию.

Вскоре он разжёг камин. Огонь с хрустом пожирал сухие поленья, отбрасывая на стены пляшущие тени. Тепло медленно, но верно начало наполнять комнату, вступая в борьбу с сырым холодом.

Я стояла, закутавшись в его пиджак, и смотрела на огонь. — И как тут спать, если всё равно холодно? — спросила я, и мой голос прозвучал тише, чем я хотела. — Даже с камином. Холод ведь всё равно проберётся под одеяло.

Он повернулся ко мне, его лицо освещалось снизу огнём, отчего черты казались резче.

— Дом прогреется, — сказал он просто. — А если будет холодно... — он не закончил, лишь пожал плечами, но в его взгляде промелькнуло нечто, заставившее меня понять: ва-

рианты есть. Все они так или иначе связаны с ним.

— Пойду осмотрюсь, — пробормотала я и вышла из гостиной, чувствуя, как жар от камина преследует меня по пятам, смешиваясь с внутренней дрожью.

Я бродила по пустынным комнатам, и с каждым шагом во мне нарастало раздражение.

Какая-то полная херня...

Неужели в таком доме, явно дорогом, нет нормальной системы отопления? Неужели они всерьёз полагаются на единственный камин в гостиной? Как, блять, он должен прогреть второй этаж, все эти спальни и коридоры?

Я прошла по длинному коридору, открывая одну дверь за другой: несколько спален с застеленными кроватями, пара ванных комнат с мраморной плиткой, даже сауна прямо внутри дома. В конце концов я отодвинула тяжёлую портьеру и увидела в окно отдельно стоящую баню во дворе, её тёмный силуэт угадывался в ночи. Всё было обустроено с размахом, но насквозь пропитано холодом и запустением.

Идеальное место, чтобы замёрзнуть насмерть с видом на горы.

Я вернулась в гостиную. Фабио уже сидел на кожаном диване перед камином, одетый лишь в шорты, его тело казалось совершенно невосприимчивым к холоду, который всё ещё витал в воздухе.

— Я хочу есть, — заявила я, останавливаясь посреди комнаты.

— Есть? — он поднял на меня взгляд, словно мысль о еде была какой-то экзотической концепцией.

— Да, — твёрдо повторила я. — И ещё меня очень беспокоит одна вещь. — Я обвела рукой комнату. — Этот камин... Он не прогреет весь дом, Фабио. Мы замёрзнем. Точнее, замёрзну я. Ты-то, возможно, и нет.

— Замёрзнешь? — он произнёс это с лёгкой усмешкой. Огонь подсвечивал его скулы и бросал блики в тёмные глаза. — Дом построен не вчера. Стены из камня, они держат тепло. Камин — не единственный источник.

Он встал и подошёл к стене, проводя ладонью по почти невидимой панели.

— Здесь тёплые полы. И система отопления, которую я включил, пока ты изучала владения. Просто ей нужно время.

Я почувствовала себя немного глупо, стоя в его пиджаке, который вдруг стал казаться слишком большим и ненужным.

— О, — это было всё, что я смогла выдавить.

— Что насчёт еды, — он вернулся к дивану, его взгляд снова стал практичным. — Холодильник должен быть заполнен. Или ты хочешь, чтобы что-то приготовили?

— Нет, я сама приготовлю, — ответила я, уже направляясь в сторону кухни. Было нечто успокаивающее в этой простой, бытовой задаче, в возможности сделать хоть что-то своими руками.

Как ни странно, готовить я умела на все сто. Это было одно из тех немногих умений, которые остались со мной из

жизни «до» — жизни, которая сейчас казалась такой далёкой. На кухне я нашла просторное помещение с современной техникой и большим холодильником, который, как и сказал Фабио, был полностью забит продуктами. Я достала лук, чеснок, специи и банку томатов — ингредиенты для простого, но сытного рагу. Нарезая лук ровными кубиками, я чувствовала, как постепенно возвращаю себе частичку контроля, частичку самой себя.

Из гостиной донёсся приглушённый звук музыки — классическое, с виолончелью и скрипкой. Потом громкость постепенно увеличилась, и мелодия заполнила собой всё пространство первого этажа, смешиваясь с потрескиванием поленьев в камине.

Я продолжала готовить, механически помешивая соус в сковородке. И сама не заметила, как начала тихо напевать под музыку — бессвязную, детскую песенку, которую, должно быть, слышала когда-то очень давно, ещё до того, как мир сузился до размеров его особняка. Это было неосознанно, почти рефлексивно, как будто музыка и ритм готовки на время стёрли все барьеры.

— Ты поёшь? — его голос прозвучал прямо у меня за ухом, тихо и неожиданно.

Я резко дёрнулась, завизжала от неожиданности и, чисто рефлексивно, со всей дури врезала локтем назад. Удар пришёлся в его грудную клетку.

На секунду воцарилась тишина, нарушаемая лишь шипе-

нием еды на плите и виолончелью из гостиной.

Я застыла, широко раскрыв глаза, с ужасом осознавая, что только что сделала. Вжала голову в плечи. Ожидала удара.

— Извини!.. Я не хотела! — выпалила я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Я тут же снова уткнулась в сковороду, яростно помешивая соус, чтобы скрыть смущение.

— Ничего страшного, — его голос прозвучал спокойно, даже с оттенком чего-то, что можно было принять за насмешку. Он не отошёл, продолжая стоять сзади. — Так ты и поёшь, и готовишь. А когда моешься, тоже поёшь?

— Нет, — буркнула я, сосредоточив всё внимание на томатном соусе, который внезапно показался мне самым важным делом в мире.

— Почему сейчас не поёшь? — он не унимался. Сделав шаг вбок, он пристроился бедром о кухонную тумбу, оказавшись так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло. — Меня стесняешься? — он наклонил голову, изучая мой профиль. — Почему?

— Потому что не хочу, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я чувствовала себя на самом деле. — Нет, я тебя не стесняюсь.

— М-м-м, — он протянул этот звук, полный сомнения, но не стал настаивать. — Что готовишь?

— Рагу, — коротко бросила я, сосредоточившись на нарезке моркови.

— М-м-м... — он снова издал этот задумчивый звук. —

А мне пригото­ви­шь?

— Я на двоих и готовлю, — ответила я, не глядя на него, и в го­ло­се не­воль­но про­звуча­ла лёг­кая укори­зна. — Или ты ду­ма­ешь, я бу­ду сто­ять у плиты толь­ко ра­ди се­бя?

— Да кто те­бя зна­ет, — вы­дох­нул он с ка­кой-то при­твор­ной ус­ла­лось­тью, и его ру­ка по­тя­ну­лась к ми­ске с по­ми­до­ра­ми че­рри. Он взял оди­н и за­бро­сил се­бе в рот. — Я, на­вер­ное, в баню с­хо­дить хо­чу.

— Сходи, — ответила я, не отрываясь от лука.

— Схо­жу, — па­ри­ро­вал он, его вз­гляд скольз­нул по моей спи­не.

— Сходи, — по­вто­ри­ла я, на­чи­ная раз­дра­жать­ся от этой бес­смыс­лен­ной пе­ре­пал­ки.

— Схо­жу, — сно­ва ска­зал он, и в его го­ло­се по­слы­ша­лись нот­ки на­смеш­ки.

Я про­дол­жа­ла по­ме­ши­вать ра­гу, ста­раясь не об­ра­щать вни­ма­ния на его бли­зость. Но его шё­пот, тё­плый и влаж­ный, ко­с­нул­ся моего уха, за­ставив меня вз­дро­гнуть.

— *Со мной хо­чешь?* — про­шеп­тал он, и его сло­ва по­ви­сли в воз­ду­хе, сме­шав­шись с аро­ма­том е­ды и му­зы­кой из го­сти­ной.

Я за­мер­ла с по­лов­ни­ком в ру­ке, чув­ствуя, как серд­це на­чи­на­ет би­ться ча­ще.

Глава 5

Я проснулась от пронизывающего холода. За окном светило солнце, но в спальне было по-настоящему холодно. Время на часах показывало одиннадцать утра. Я натянула одеяло на плечи и, кутаясь в него, спустилась вниз.

Фабио уже сидел за столом в столовой с чашкой кофе и планшетом в руках. Я молча подошла к буфету, налила себе чёрного кофе и опустилась на стул напротив него, прижимая к груди тёплую чашку и стараясь согреть онемевшие пальцы.

— Тебе холодно? — спросил он, отрывая взгляд от экрана.

— Да, — просто кивнула я, чувствуя, как дрожь пробегает по спине.

— Подойди ко мне.

Я медленно поднялась и сделала несколько шагов к его стулу. Он снял с моих плеч одеяло, и холодный воздух снова обжёг кожу. Я непроизвольно задрожала, зубы слегка стукнули.

Затем он обхватил мою талию и усадил к себе на колени, снова накинув одеяло, на этот раз на нас обоих. Взяв планшет, он продолжил читать, как будто ничего не произошло. Моё сердце колотилось где-то в горле, громко и беспорядочно.

— Подтяни ноги к груди, — тихо сказал он, не глядя на

меня.

Я послушно подтянула колени, стараясь занять как можно меньше места. Сидя, прижавшись к его груди, завернутая в одеяло и его тепло, я чувствовала, как дрожь постепенно отступает, сменяясь оглушительным грохотом собственного сердца.

Его вторая рука обхватила мою талию, надёжно фиксируя меня на месте, чтобы я не свалилась. Я сделала глоток кофе, стараясь сосредоточиться на тёплой чашке в руках, а не на том, как его тело чувствуется подо мной, твёрдое и тёплое. Я уставилась куда-то в сторону, в стену, чувствуя, как его парфюм окутывает меня, смешиваясь с запахом кофе.

Я наблюдала за тем, как его пальцы скользят по экрану планшета, перемещаясь между графиками и отчётами. Взгляд мой упал на одну из цифр в столбце, и я машинально ткнула пальцем в это место. Тыкнула я конечно наугад.

— Тут ошибка, Фабио.

Он остановился, его палец замер над экраном. Он не сразу ответил, сначала его взгляд перешёл с экрана на мой палец, а затем медленно поднялся к моему лицу.

— Какая ошибка?

Я подняла на него взгляд, встретив его пристальные, тёмные глаза, и тут же отвела в сторону, к безопасному виду на заснеженный сад за окном.

— Цифры... Не те, — проговорила я тише, чувствуя, как его внимание становится почти осязаемым. — В третьей ко-

лонке. Они не сходятся с итогом.

Он медленно перевел взгляд на экран, его пальцы снова пришли в движение, пролистывая строки.

— Где именно? — спросил он, его голос был ровным, но я чувствовала, как его рука на моей талии непроизвольно слегка сжалась.

Я снова протянула руку, на этот раз более уверенно, и указала на конкретную ячейку.

— Здесь. Сумма должна быть на пятнадцать тысяч больше. Кто-то либо ошибся, либо... — я замолчала, не решаясь закончить мысль вслух.

Фабио не ответил. Он лишь сузил глаза, и в них плясал холодный, опасный огонёк, который я видела накануне.

— Впрочем, я уже согрелась, — сказала я и попыталась приподняться, ощущая, как напряглись мышцы его руки, удерживающей меня.

Но он не ослабил хватку. Напротив, его рука легла мне на бедро, мягко прижимая меня к себе.

— Сиди со мной. Раз уж ты такая внимательная. Проверь остальное.

Я взяла планшет из его рук. Экран всё ещё хранил тепло его пальцев. Я углубилась в цифры, пролистывая столбцы, сравнивая графики, сверяя каждую строчку с приложенными отчётами. Мир сузился до экрана и до его молчаливого присутствия, до тепла его тела подо мной и до тихого шума моего собственного дыхания. Я искала несоответствия,

ошибки, малейшие намёки на небрежность или обман, зная, что каждая найденная мною неточность — это ещё один кирпичик в стене его доверия, которое я до сих пор не могла до конца понять.

— Всё остальное, вроде, сходится, — проговорила я, всё ещё внимательно изучая экран и производя расчёты почти в уме. — Хотя... — я прокрутила страницу вниз, — Если посмотреть списки за три месяца назад, то во втором квартале есть ошибка в подсчётах. Не такая серьёзная, как та, но всё же. Скорее всего, это просто опечатка, но стоит проверить через основное хранилище в бухгалтерии, чтобы быть уверенными.

Я протянула ему планшет, чтобы он сам увидел нестыковку.

— Здесь, — я указала на строку. — Разница в две тысячи евро. Могла быть опечатка при вводе данных.

Фабио взял планшет, его брови сдвинулись. Он несколько секунд молча изучал цифры, затем его взгляд снова упал на меня.

— Ты не перестаёшь меня удивлять, Елена, — тихо произнёс он.

Его рука на моём бедре слегка сжалась, и в этом жесте было нечто большее, чем просто благодарность. Собственническое. Да... Собственническое.

Я откинулась назад, всё ещё чувствуя тепло его тела сквозь одеяло.

— Я, кстати, купальник с собой взяла, — выдохнула я, глядя в окно. — А тут, оказывается, негде купаться. Если только в ледяное озеро не нырять, но я, пожалуй, пас.

— В доме есть бассейн, — сказал он, не отрывая взгляда от экрана. — Крытый и подогреваемый. В цокольном этаже.

Он произнёс это так же просто, как если бы сообщал о наличии водопровода. Для него, вероятно, это и было столь же обыденно.

— Ты могла спросить, прежде чем делать выводы, — добавил он, и в его голосе прозвучала лёгкая, почти не уловимая укоризна.

Я почувствовала, как по спине пробежала волна раздражения. Его спокойная снисходительность всегда действовала мне на нервы.

— А ты мог бы и предупредить, — парировала я, и в моём голосе невольно прозвучала обида. — Или, я не знаю, показать мне дом, когда мы приехали. Вместо того чтобы позволить мне бродить по нему и самой до всего додумываться.

Я замолчала, чувствуя, как его тело напряглось подо мной.

Резко поднявшись с его колен, я сбросила с плеч одеяло, оставив его на нём, и, не оглядываясь, направилась к лестнице. Поднявшись на второй этаж, я вошла в свою комнату, достала из чемодана купальник и быстро переоделась.

Затем, не задерживаясь, я спустилась обратно, прошла мимо него, всё ещё сидящего за столом, и направилась в сторону, где, как я помнила, был спуск в цокольный этаж.

Мне нужно было пространство, дистанция, и бассейн казался идеальным убежищем.

Я спустилась по лестнице в цокольный этаж, толкнула тяжёлую стеклянную дверь и шагнула в помещение бассейна. Воздух был влажным и прохладным. Сделав пару шагов к воде,— и резко дёрнулась назад. Вода была ледяной.

— Фабио! — я завизжала так, что эхо разнеслось по всему помещению. — Ты меня обманул! Он холодный!

Я быстро поднялась по лестнице и ворвалась в комнату, где он всё ещё сидел. Вода с моего купальника капала на пол.

— Он не тёплый! — выпалила я, всё ещё дрожа от холода и возмущения. — Он холодный, прямо ледяной!

Фабио медленно поднял на меня взгляд, его лицо оставалось невозмутимым.

— Значит, подогрев сломался, — произнёс он просто, как будто это было самым очевидным объяснением в мире.

— Сломался? — мой голос дрожал не только от холода, но и от нарастающей ярости. — Ты привёз меня в дом, где нет нормального отопления, где бассейн, который должен быть подогреваемым, оказывается ледяной лужей, и всё, что ты можешь сказать — «сломался»? Это не ответ, Фабио! Это отмазка!

Он медленно отложил планшет, его пальцы сложились в замок на столе. Его взгляд стал тяжёлым и пристальным.

— И что ты хочешь, чтобы я сделал, Елена? — его голос прозвучал опасно спокойно. — Позвонил сантехнику? На-

нял экскаватор, чтобы вырыть для тебя горячий источник в саду? Дом стоял пустым. Системы выходят из строя. Это — реальность.

— Реальность? — я фыркнула, скрестив руки на груди, пытаюсь согреться и сдержать дрожь. — Реальность такова, что ты даже не потрудился проверить, будет ли здесь хоть минимальный комфорт, прежде чем везти меня сюда! Мне кажется, тебя вообще не волнует, замёрзну я здесь или нет!

Он резко встал, и его стул с грохотом отъехал назад.

— Не волнует? — он сделал шаг в мою сторону, и его глаза вспыхнули холодным огнём. — А кто тогда усадил тебя к себе на колени, чтобы ты согрелась? Кто завернул тебя в одеяло? Или ты уже забыла об этом, пока строила из себя оскорблённую принцессу из-за бассейна?

Капли воды с моего купальника падали на пол, отмечая ритм нашего тяжёлого дыхания.

Я почувствовала, как вся ярость внутри меня сменилась горькой, знакомой пустотой. Голос стал тише, но каждое слово было отточенным.

— Будь тут какая-нибудь Беатрис или Элиса, или любая другая из твоих «девушек»... — я выдохнула это слово с беззвучным презрением. — Всё было бы иначе. Ты бы убедился, что вода в бассейне тёплая. Что в доме пахнет её духами, а не пылью. Что в холодильнике её любимые продукты. Ты бы... Ты бы позаботился.

Я посмотрела прямо на него, и в моих глазах, должно

быть, читалась вся та боль и унижение, которые копились годами.

— Но здесь я. И ты не видишь необходимости притворяться. Потому что я — это просто Елена. Мебель. И мебели не нужен тёплый бассейн.

Я отвела взгляд.

— А мне... — я горько усмехнулась, — Мне достаточно того, что ты позволил мне посидеть рядом, пока читал свои отчёты. Как будто я бездомная собака, которую впустили погреться у камина. Или я ошибаюсь, Фабио? Скажи, что я ошибаюсь.

Он не двинулся с места. Тишина затянулась, стала плотной и неудобной. Его лицо не исказилось от гнева, не дрогнуло.

— Мебель, — наконец произнёс он. Он медленно обвёл взглядом комнату, его взгляд скользнул по камину, по столу, по креслам. — У мебели есть функция. Она практична. Стул — чтобы сидеть. Стол — чтобы работать. — Его глаза вернулись ко мне. — В чём твоя функция, Елена?

Он сделал шаг вперёд, не для устрашения, а скорее как хирург, приближающийся к объекту изучения.

— Ты не развлекаешь меня, как они. Ты не ведёшь мои счета, хотя и находишь в них ошибки. Ты не обеспечиваешь связь с другими семьями. — Он остановился в двух шагах. — Ты просто есть. И это самое неудобное, самое нелогичное и самое раздражающее, что есть в моей жизни. Потому что

я не могу тебя выбросить. Не могу продать. Не могу даже просто переставить в другой угол. Ты выросла в этот дом, как плесень. И я просто привык, что ты здесь.

Я чувствовала, как его слова впиваются в меня, холодные и точные, как скальпель.

— Видишь, Фабио, как всё получается, — мой голос был тихим и пустым, будто из меня вынули все чувства. — Для тебя я — просто плесень, которая выросла в сырость твоего мира. Нечто нежеланное, но неизбежное. А они... Другие... Для тебя — желание. Мимолётный огонь, который нужно топить. Для них ты бы, наверное, заказал сюда цветы. Приказал бы сервировать ужин при свечах. А мне... — я чуть пожала плечами, — Мне достаются лишь эти цифры в твоих отчётах, ледяная ванна, в которую ты сбегаешь от самого себя, и твой чай с чабрецом, который я умею заваривать так, как не умеет никто другой.

Я развернулась и пошла к лестнице, не оглядываясь. Каждый шаг по мраморным ступеням отдавался в висках тяжёлым, глухим стуком.

Зачем? Зачем он привёз меня сюда?

Если я всего лишь плесень, выросшая в стены его барселонского особняка, то какой смысл было перевозить эту плесень с собой? Чтобы она отравляла воздух и здесь? Чтобы напоминала ему о сырости и гниении, которые он несёт в себе?

Я вошла в свою комнату и закрыла дверь, прислонившись к ней спиной. За окном грузинские горы были безмолвны и

равнодушны. Может, в этом и был ответ. Не в жесте заботы, а в акте собственничества. Плесень тоже принадлежит дому. Её не оставляют позади. Её берут с собой, как часть пейзажа, как неизбежную данность.

Дверь открылась без стука. Фабио стоял на пороге, его силуэт чётко вырисовывался в свете коридора.

— Елена.

— Не хочу разговаривать, — отрезала я, не глядя на него, и потянулась к застёжке мокрого купальника. Мне было всё равно, что он здесь. Пусть видит. Пусть смотрит на свою «плесень», на этот неприглядный быт, который он так яростно отрицал. — Правда, не хочу.

Я сбросила купальник на пол, и он шлёпнулся мокрым комком. Потом потянулась за полотенцем, грубо вытирая кожу, словно пытаюсь стереть с себя ощущение его взгляда, его присутствия, всей этой нелепой, унижительной ситуации.

Я натянула хлопковую футболку и штаны, чувствуя, как ткань прилипает к влажной коже. В комнате царила тяжёлая тишина, нарушаемая лишь звуком моего собственного дыхания и, возможно, его — стоящего в двух шагах и наблюдающего за этим немym спектаклем.

— Я приказал починить подогрев в бассейне, — наконец произнёс он. Его голос был лишён интонаций, ровный и деловой. — Завтра он будет тёплым.

Я не ответила, продолжая вытирать волосы полотенцем.

— И цветы заказал, — добавил он после паузы. — И ужин.

Не при свечах, но повар будет.

В его словах не было ни капли извинения или попытки загладить вину. Это была просто коррекция плана. Устранение недочёта. Как если бы он обнаружил, что система вентиляции работает неэффективно, и отдал распоряжение её починить.

— Ты серьёзно, босс? — голос сорвался, горькая, едкая усмешка вырвалась наружу. Ком встал в горле, мешая дышать. — Решил просто... — я искала слова, но находила только пустоту и боль. — Решил сделать то, что я озвучила, как по чек-листу? Чтобы «устранить проблему»?

Я провела рукой по волосам и опустилась на край кровати, чувствуя, как подкашиваются ноги.

— Мне не нужны ни цветы, ни ужин, мне ничего этого не нужно, понимаешь, босс? — я посмотрела на него, и слёзы, наконец, выступили, горячие и предательские. — Я просто устала. Устала быть седьмой. Быть той, кто просто существует. Нужно посмотреть отчёты? — Елена. Нужно поужинать в семь вечера? — Елена. Нужна ванна со льдом? — Елена. Нужен чай? — Елена.

Я вытерла глаза тыльной стороной ладони, с ненавистью ощущая свою слабость.

— А когда нужно чьё-то тело, чья-то улыбка, чьё-то притворное восхищение... Тогда уже не Елена. Тогда ты зовёшь кого-то другого. А я остаюсь сидеть в своей комнате и слушать. Или готовить тебе этот чёртов чай с чабрецом, пока

ты... — голос снова дрогнул, и я не стала договаривать.

Фабию стоял неподвижно, слушая. Он сделал шаг вперёд, и его тень накрыла меня.

— Отчёты может проверить любой бухгалтер. Ужин — приготовить повар. Чай — заварить служанка. Лёд в ванну — может насыпать охрана. — Он остановился в двух шагах. — Но это делаешь ты. Понимаешь разницу? Я не нанимал для этого людей. Я поручил это тебе. А они... — он слегка повёл плечом, — Они шум. Фон. Способ переключиться. Как смена музыки. Их можно включить и выключить.

— Нет, я не понимаю разницу! — я крикнула, и голос сорвался на визгливую, уродливую ноту. — Я блять девушка! Женщина! Понимаешь?! И мне обидно, Фабию, мне до боли обидно, что я ничего не значу! Что я чисто функционал! Что я даже должна врать о своём возрасте, потому что я не вписываюсь в твой блять образ для твоего круга!

Слёзы текли по лицу, но я даже не пыталась их смахнуть.

— Ты просто сделал из меня ту, кто поможет! Ту, кто всегда согласится! Ту, кто всегда слушается! Ты блять превратил меня в свою рабыню! И самое ужасное... — я сдавленно засмеялась, — Что я сама это позволила. Я так цеплялась за эти крохи твоего внимания — за эти отчёты, за ужины, за твой чёртов чай — что сама стала этим. И теперь ты даже не видишь во мне человека. Ты видишь удобный инструмент. Ты никогда не смотрел на меня как на женщину! — голос снова сорвался. — Для всего, что между мужчиной и жен-

щиной, у тебя есть другие. А я как этот дом. Принадлежу тебе, но не так, как они.

Он повернулся, подошёл к комоду и взял с него тяжёлое стеклянное пресс-папье. Переложил его из руки в руку.

— Женщины приходят и уходят, — сказал он наконец, глядя на вес предмета в своей ладони, а не на меня. — Они требуют подарков, внимания, обещаний. С ними нужно вести переговоры, как с конкурентами. Тратить силы.

Он поставил пресс-папье на место с глухим стуком.

— Ты не требуешь. Ты просто здесь. — Он повернулся ко мне. — И это дороже.

— Отпусти меня, Фабио.

Я сказала это без надежды, уже зная ответ.

— Ты никогда не поймёшь, что я пытаюсь тебе донести. Ты не поймёшь, какого это — быть лишней, даже когда тебя ценят за что-то другое. Это как иметь двух детей. Одного — здорового, яркого, того, кем гордятся, кого водят в гости и показывают. А другого с аутизмом. Тихого, странного, того, кого держат в дальней комнате, потому что с ним неудобно. Его ведь тоже любят, но он никогда не будет тем ребёнком. Я — тот ребёнок из дальней комнаты, Фабио. Ты можешь ценить мою тишину, мою преданность. Но я никогда не буду той, кого ты возьмёшь с собой на светский раут без принудительной лжи о моём возрасте. Той, кого ты захочешь показать, не потому что должен, а потому что гордишься. Я — твоя собственность, да, но другого сорта. Не для всего.

Я просто легла на кровать, отвернувшись к стене, и натянула одеяло до подбородка. Разговор окончен. Слова закончились. Всё было решено, объяснено и разложено по полочкам.

Я — удобная. Не женщина, не личность, а функциональный объект с уникальными, но строго ограниченными свойствами. И эта мысль была настолько тяжёлой и окончательной, что не оставляла места даже для злости.

Я слышала, как он ещё несколько минут стоит в комнате. Потом его шаги удалились, и дверь тихо закрылась.

Сначала была просто тишина и тяжёлое одеяло над головой. Я не рыдала, не всхлипывала. Просто лежала и плакала — тихо, почти беззвучно, пока подушка не стала мокрой, а в горле не встал плотный, невыплаканный ком.

Понимания того, что ты — вещь. И вещи не плачут громко.

Они просто тихо разрушаются изнутри.

Глава 6

Я проснулась с опухшими глазами и ощущением пустоты. Решение пришло само собой — тихое и практичное, как и всё в этой жизни. Я оделась, вышла в коридор и попросила одного из охраны истопить баню.

Теперь я сижу в главном зале, в кресле перед камином. По телу бегут мурашки — баня ещё не готова, а в доме всё так же прохладно. Я включила телевизор, но не слежу за сюжетом. Просто смотрю на мелькающие картинки, растирая замёрзшие пальцы, и жду, когда можно будет уйти в жар парной, чтобы наконец согреться.

Хотя бы физически.

— Елена, баня готова, — доложил один из охранников, появившись в дверях гостиной.

— Спасибо большое, — ответила я, поднимаясь.

Я собрала заранее приготовленную одежду и полотенце, надела лёгкие тапочки и вышла из дома. Воздух встретил меня прохладой. Здесь, в горах, даже в разгар дня было свежо. Я быстро пересекла двор и потянула на себя тяжёлую дверь бани, впуская внутрь волну сухого, древесного жара.

Я быстро разделась в предбаннике, повесила одежду на деревянный крюк и, завернувшись в полотенце, толкнула дверь в парилку.

Волна сухого, обжигающего жара ударила в лицо, заста-

вив дыхание перехватить. Воздух гудел от тишины и жары, пах берёзовым веником и раскалёнными камнями. Я села на нижнюю полку, прислонилась спиной к тёплой деревянной стене и закрыла глаза, позволяя теплу проникать в окоченевшие мышцы и вытеснять внутренний холод, сковавший меня с прошлого вечера.

Сбросила полотенце. Кожа сразу же покрылась мурашками, но не от холода — от смены температуры. Подошла к краям, наполнила тазик — сначала горячей, потом холодной. Вода в тазу стала тёплой, живой.

Взяла деревянный ковш, зачерпнула и вылила на себя, с головы до пят. Вода потекла по коже горячими ручьями, смывая не только пот, но и ощущение его взгляда, его слов, его тяжёлого, невысказанного присутствия.

Я как раз втирала пену в волосы, когда дверь с тихим скрипом отворилась.

— М-м, — раздался его голос.

Я замерла, не в силах повернуться, с руками, запрокинутыми за голову. Пена стекала по шее и спине. Я слышала, как он стоит в дверном проёме, и чувствовала его взгляд на своей мокрой, обнажённой спине.

Он закрыл дверь. Я быстро сполоснула волосы, смывая остатки шампуня, и, почти не вытираясь, накинула полотенце.

Выйдя в предбанник, я застала его стоящим у противоположной стены. Он был в своих чёрных шортах и смотрел в

окно, будто разглядывая территорию за пределами бани.

— Я не знал, что ты здесь, — произнёс он, не поворачиваясь.

— Ничего страшного, босс, — сказала я, и голос прозвучал плоским, безжизненным эхом. — Вы ведь можете смотреть. Всё равно этого... — я сделала короткую паузу, — Этого никто не хочет. Значит, выполняю новую функцию. Картина. Для вашего личного пользования.

Я сказала это без вызова, без злости. Просто как если бы читала описание к экспонату в музее.

Он медленно повернулся. Его взгляд скользнул по мне — с головы до ног, закутанной в полотенце, с мокрыми волосами, прилипшими к шее. Но это был не тот оценивающий взгляд, который я видела у других мужчин.

— Перестань, — сказал он тихо.

— Перестать что, босс? — я нарочно использовала это обращение, вкладывая в него всю горечь последних часов. — Выполнять свои функции? Или просто говорить об этом вслух?

— Перестань называть меня «боссом», — его голос приобрёл металлический оттенок. — И прекрати этот спектакль с самоуничтожением. Это не... — он резко оборвал себя, сжав челюсть.

— Это не что? — я не уступала, чувствуя, как дрожь от холода сменяется чем-то ядовитым. — Не соответствует моей роли? Но ты же сам всё расставил по местам. Я — функцио-

нальный объект. Объекты не обижаются. Они просто выполняют свои задачи. А если объект начинает говорить о своих чувствах, его либо чинят, либо заменяют. Так что, босс, какой будет ваш приказ? Починить меня или списать?

Он резко снял с себя шорты и трусы. Я тут же отвела взгляд в сторону, уставившись на деревянную обшивку стены, чувствуя, как щёки пылают.

— Подними глаза, — прозвучало тихо, но с такой неоспоримой силой, что я непроизвольно вздрогнула.

Я медленно, через силу, подняла на него взгляд. Он стоял передо мной полностью обнажённый, не скрывая ничего.

— Вот, — произнёс он. — Тело. Кожа, мышцы, кости. Функциональный объект, как и ты. Он может бить, убивать, терпеть боль. Может забирать то, что хочет. — Он сделал шаг вперёд. — Но с тобой он этого не делает. Почему, Елена? Если ты для меня всего лишь функция, почему я до сих пор не использовал эту самую очевидную и простую функцию?

— Потому что для вас, босс, я — пустая оболочка, — выдохнула я, глядя куда-то мимо его плеча. — У меня нет такого красивого лица, как у Элисы. Только эти веснушки. У меня нет такой фигуры, как у Беатрис. Нет таких волос, как, допустим, у Селии. Я — запасной вариант. На тот случай, если все остальные вдруг надоедят или станут неудобны. Функция «тихое присутствие». И вы не используете другую функцию, потому что даже для вас это было бы слишком низко. Пользоваться тем, кто и так уже унижен до конца.

Он резко шагнул вперёд, закрыв оставшееся между нами расстояние. Его руки схватили меня за плечи, не больно, но так, что невозможно было вырваться.

— Запасной вариант? — его голос прозвучал низко и яростно. — Думаешь, я стал бы тратить своё время на «запасной вариант»? Таскал бы его с собой в Грузию? Слушал его мнение об отчётах? Держал его на коленях, чтобы он согрелся?

Его пальцы впились в мою кожу.

— Элиса, Беатрис, все они... Они как дорогие духи. Приятно пахнут, но выветриваются за несколько часов. А ты... — он вдруг отпустил меня и провёл рукой по своему лицу, и в этом жесте впервые за всё время я увидела не мафиозного босса, а просто уставшего мужчину. — Ты как этот проклятый дом. Ты в стенах. Ты в воздухе, которым я дышу. Я не могу от тебя избавиться, даже если бы захотел. И я... Я не хочу. Поняла? Я не хочу.

— Босс, у вас такая красивая речь, — сказала я, и мой голос прозвучал плоским, безжизненным эхом после его тирады. — Боюсь, что баня может остыть. С лёгким паром заранее.

Я развернулась и вышла из бани, не оглядываясь, оставив его стоять там — голого, разгорячённого и, возможно, впервые в жизни, полностью проигнорированного.

За моей спиной дверь ещё не успела закрыться, когда сквозь дерево и пар пробился его хриплый, яростный крик:

— Елена, твою мать!

Я не обернулась. Шла по холодным камням двора к дому, чувствуя, как ледяной ветер обжигает разгорячённую кожу. Его крик, заглушённый толстыми стенами бани, донёсся до меня как отдалённый раскат грома.

Войдя в дом, я поднялась в свою комнату, заперла дверь и прислонилась к ней спиной. Только тогда я позволила себе выдохнуть — долго и прерывисто. Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди.

А снаружи, из бани, ещё долго доносились приглушённые звуки — не крики, а скорее яростные удары, словно он в бессилии бил кулаками по деревянным стенам, пытаясь выбить из них то, что только что ушло — моё молчаливое, безоговорочное присутствие.

Я переоделась в сухую одежду — простые штаны и свитер, — и спустилась вниз. На кухне было пусто. Я разогрела себе остатки вчерашнего рагу, налила воды и села за стол одна.

Ложка в моей руке казалась невероятно тяжёлой. Я ела механически, не ощущая вкуса, глядя в окно на залитый солнцем, но такой же холодный пейзаж.

Шаги послышались раньше, чем я успела сделать следующий вздох. Тяжёлые, быстрые, отмеряющие пространство кухни. Он вошёл, всё ещё босой, в тех же шортах, с мокрыми от пара волосами. Дышал он ровно, но в его взгляде стояла та же буря, что бушевала в бане.

Он подошёл к столу, упёрся руками в столешницу по обе

стороны от моей тарелки, наклонился, и его тень накрыла меня целиком.

— Я сказал, что не хочу от тебя избавляться, — его голос был низким и густым, как смола. — Это факт. Ты слышала?

— Классно, босс, — сказала я, не отрывая взгляда от тарелки. — Значит, я — запасной вариант. Подушка безопасности при аварии. Всё ведь просто. Так почему бы просто не признать это?

Я наконец подняла на него глаза.

— Вы держите меня, потому что я удобна. Потому что я не требую того, что требуют они. Потому что я — тихая гавань в вашем море дерьма. Но это не делает меня чем-то большим. Это просто делает меня удобной.

Он резко выпрямился. Его рука метнулась вперёд и схватила мою тарелку. С грохотом он швырнул её в раковину. Фарфор разлетелся на осколки, соус брызнул по стенам.

— Удобная? — его голос сорвался на рык. — Ты называешь это удобным? — он широким жестом обвёл разбитую посуду, своё собственное напряжение, всю эту напряжённую тишину между нами. — Удобные вещи не сводят с ума. Их не таскают с собой на край света, потому что не могут дышать воздухом, в котором нет их запаха!

Он тяжело дышал, его грудь вздымалась.

— Да, чёрт возьми, ты — моя подушка безопасности! Но не на случай аварии. Ты — та единственная вещь, что держит меня в здравом уме, когда всё остальное летит в тартарары.

И да, это эгоистично. Это уродливо.

— Хорошо. — Я не стала отодвигать стул, не стала вставать. Он стоял прямо рядом, его бедро почти касалось стола, его дыхание всё ещё было тяжёлым после взрыва. — Раз я такая, блять, единственная, кто держит вас в здравом уме, босс, ответьте на главный вопрос. На самый, сука, главный. Без вашего «я не хочу твоего тела».

Расстояние между нами было таким, что я видела каждую каплю воды, застрявшую в его ресницах.

— Почему вы меня ни разу не обняли? Не сделали комплимент? Никогда даже не потрогали, не погладили, не поцеловали, может быть. — Мой голос дрогнул, но я неотрывно держала его взгляд. — Почему всё, что между нами, — это только боль, гнев, лёд и цифры в отчёте? Почему даже сейчас, когда вы кричите о том, как я вам нужна, вы стоите в двух шагах, но эти два шага — как стена? Где вы, настоящий, в этом всём?

— Потому что я не знаю, как это делать, — сказал он. Его голос был тихим и очень простым. — Никто никогда не обнимал меня просто так. Не гладил по волосам. Не говорил, что я хорошо выгляжу.

Он посмотрел на свои руки, лежащие на столе.

— Я научился стрелять, вести переговоры, читать отчёты, но этому меня не учили. И когда я смотрю на тебя, я понимаю, что любое моё прикосновение будет неправильным. Слишком грубым или слишком слабым. Оно либо испугает

тебя, либо покажется тебе жалким. И мне проще ничего не делать, чем сделать это плохо и увидеть в твоих глазах... Что я сделал это плохо.

Прежде чем я сама успела это осознать, моя ладонь с резким хлопком встретила с его щекой. Удар получился несильным, но оглушительно громким в тишине кухни.

Он просто смотрел на меня широко раскрытыми глазами, в которых читалось не столько потрясение, сколько полная, абсолютная неспособность обработать происходящее. На его смуглой щеке проступили красные следы от моих пальцев.

— Вот, — выдохнула я, чувствуя, как дрожь пробегает по моей собственной руке. — Неправильно? Грубо? Ну и что? Хуже, чем сидеть и ничего не делать? Хуже, чем смотреть, как кто-то медленно засыхает от жажды в двух шагах от тебя, потому что ты боишься пролить воду?

Он дотронулся до щеки, где запечатлелись отпечатки моих пальцев. Не растирал, не пытался скрыть — просто прикоснулся, будто проверяя реальность произошедшего.

— Знаете, босс... — начала я, и мои слова повисли в воздухе, острые и обрывистые. — Мне не нужна ваша жалость. Пора вам уже самому признать в собственной голове, что я — лишь запасной вариант, и перестать разбрасываться красивыми фразочками. Это, возможно, сработало бы на мне года три назад, но не сейчас. — Уголки моих губ дрогнули в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку. — Если бы вы действительно не хотели меня потерять, вы бы делали для

этого что-то. Что угодно. А вы ничего не делаете. Видите, в чём разница? Мы с вами смотрим на одну и ту же ситуацию с противоположных сторон. Вы видите её так, как вам удобно, как вам правильно. Но факт остаётся фактом, и от вашего взгляда он не изменится. Для вас я — аварийная подушка. Удобно, когда всё летит к чёрту, и забывается, когда всё спокойно.

Я встала со стула. Дерево скрипнуло подо мной.

— Сиди...

— Извините, босс.

— Я же говорил — хватит называть меня боссом.

— Извините, босс, — повторила я с преувеличенной почитательностью, в которой звенела сталь. — Но я бы хотела покинуть Грузию. Может быть, завтра или послезавтра. Мне привычнее там. Слышать стоны из других комнат. И просто сидеть в своей, дожидаясь своего «раза» — когда мне позволят выйти с вами в свет, чтобы исполнить функцию картины. Там всё понятно. А здесь... Здесь слишком много воздуха и слишком много иллюзий.

— Нет. Ты останешься здесь.

— По какому праву? По праву собственности? Так объявите же меня своей вещью официально, босс. Составьте документы. Прибейте табличку к моей двери. Но не продолжайте эту иллюзию, где вы то отталкиваете, то не отпускаете!

— Это не иллюзия! Я не знаю, как это назвать! Но ты не

поедешь обратно. Ты не будешь сидеть в той комнате и слушать...

— Слушать что, Фабио? — я сделала шаг навстречу. — Признайте это. Скажите это вслух. Скажите, что вам неприятна мысль о том, что я буду слышать, как вы трахаете других женщин в соседней комнате. Скажите, что это ревность. Дайте этому имя!

Его взгляд, всегда такой уверенный и расчётливый, поплыл, утратив фокус. Он смотрел на меня, но словно видел нечто другое — какую-то внутреннюю пропасть.

— Да, — выдохнул он, и это слово прозвучало хрипло, почти беззвучно. — Да, чёрт возьми. Мне неприятно. Неприятно до тошноты. До ярости. Я не хочу, чтобы ты слышала это. Я не хочу, чтобы ты знала о них. Я не хочу, чтобы они вообще существовали в твоём мире. — Он провёл рукой по волосам.

— Я ещё раз повторяюсь,. Мне не нужна ваша никчёмная жалость, босс. Не нужна! Я слышала эти стоны шесть лет. Шесть. Лет. — я сделала ударение на каждом слове. — Потому услышу их и ещё. Я привыкла. Я смирилась. А ваше внезапное «неприятие» — это просто очередная удобная для вас сказка, чтобы не чувствовать себя полным ублюдком.

— Жалость? — он фыркнул, коротко и резко. — Я не знаю, что это такое. Я знаю другое. Ты — моё. Моё. — Он сделал ударение на этом слове, и оно прозвучало не как ласка, а как клеймо. — И я не отдам своё обратно в ту клетку.

Не позволю, чтобы к нему прикасались чужие взгляды, чужие голоса. Даже мои.

— Вы не слышите? — я выгнула бровь, и в голосе моём не осталось ничего, кроме ледяного безразличия. — Мне уже наплевать, босс. Абсолютно. Можете трахаться с кем хотите и как хотите. У стены, на кухне, у меня в комнате, если захотите разнообразия. Мне всё равно.

Я повернулась к выходу, моя спина была прямее, чем когда-либо.

— Ваши решения, ваши законы... Они перестали иметь для меня значение. Поздравляю. Вы добились своего. Я больше не чувствую ничего. Ни боли, ни злости. Ничего. Вы наконец-то получили свою идеальную, удобную вещь.

— Твою мать, ты хочешь, чтобы я тебя трахнул, что ли? — его голос прозвучал хрипло, в нём слышалась ярость от собственного бессилия.

— Нет, — ответила я, и моё спокойствие было оглушительным. — Мне на вас поебать, босс. Вы для меня перестали быть мужчиной. Вы — просто должность. Должность, которая меня больше не интересует.

Он застыл на месте. Словно мои слова были не просто отказом, а физическим ударом, обездвижившим его. Вся ярость схлынула с его лица, оставив после себя лишь пустоту. Он смотрел на меня, но, казалось, не видел.

— Должность, — повторил он беззвучно, будто пробуя это слово на вкус и находя его горьким.

Он развернулся и вышел из кухни.

Глава 7

Фабио вошёл в гостиную. Его шаги были отмеренными, лицо — маской из гранита. Он остановился передо мной, его взгляд был тяжёлым и лишённым всякой теплоты, которую я могла бы в нём когда-то надеяться увидеть.

— Раз уж я всего лишь «босс», — его голос прозвучал низко и ровно. — То и вести себя я буду соответственно. Забудь всё, что было сказано. С этого момента ты — не спутница. Ты — моя шлюха. Единственная функция, которая от тебя теперь требуется — быть доступной. Всё остальное больше не имеет значения.
— Хорошо, — ответила я. Мой голос был плоским, как поверхность мёртвого озера.

Я приняла это. Как принимают приговор, против которого нет апелляции. Как принимают неизлечимый диагноз.

— На второй этаж. В мою комнату.

Я молча встала. Не было ни протеста в моих глазах, ни страха. Лишь пустота, которую он сам и создал. Я последовала за ним по лестнице, каждый шаг отдавался в тишине дома глухим эхом. Дверь в его спальню была приоткрыта. Он вошёл первым, я — за ним.

Я стала раздеваться. Движения были механическими, лишёнными стыда или кокетства. Я просто сняла одежду и откинула её в сторону, затем села на край кровати, глядя прямо перед собой.

Фабио смотрел на меня. Его взгляд был тяжёлым, анализирующим, но в нём не читалось желания. Затем он стянул с себя футболку, и ткань бесшумно упала на пол. Его пальцы потянулись к пряжке ремня.

Вскоре он оказался голым передо мной. Его тело было знакомым ландшафтом из мышц и шрамов, но в этот раз оно казалось чужим и пугающим. Он приблизился, его пальцы обхватили моё лицо, фиксируя его с непривычной жёсткостью.

Затем он поцеловал меня.

И я застыла. Не от страха или отвращения, а от осознания простого, унижительного факта: я не умею целоваться. За все эти годы, за всю эту жизнь в его тени, у меня не было ни одного по-настоящему близкого контакта. Его губы были твёрдыми и требовательными, а мои оставались неподвижными и неловкими, как у подростка, застигнутого врасплох.

— И чего? — спросил он, отстраняясь. Его взгляд был тяжёлым и недоумевающим.

— Я... Целоваться не умею, — проговорила я, и голос мой прозвучал тихо и сдавленно.

— Что? — он нахмурился, будто не расслышал или не понял смысла сказанного.

— Я сказала, что не умею целоваться! — выпалила я уже громче, и в голосе прозвучала не злость, а горькая, унижительная досада.

Он замер, его руки всё ещё сжимали моё лицо. Несколько

секунд он просто смотрел на меня, и в его глазах менялось — ярость отступала, уступая место чему-то более сложному. Озарению? Презрению?

— Никогда? — спросил он наконец, и его голос был тише, лишённый прежней резкости.

Я молча покачала головой, не в силах выдержать его взгляд. Позор пылал на моих щеках.

Он медленно отпустил моё лицо. Его пальцы прошлись по моей щеке, но это уже не было жестом собственника. Почти как осмотр неожиданной находки, которая переворачивает все его расчёты.

— Ни разу?

— А я должна была? — ответила я, и в моих словах не было вызова, лишь горькая ирония. — Меня купили в семнадцать. До этого была лишь школа, где я пыталась выжить, а не целоваться.

Он отступил на шаг, его взгляд скользнул по моему лицу, будто заново оценивая каждый его сантиметр.

— Просто... Обычно... — он запнулся, что для него было несвойственно, — Некоторые уже в пятнадцать... — он не закончил, лишь покачал головой.

— Я же ваша шлюха теперь, босс. — Мои слова прозвучали плоским, безжизненным тоном. — Разве вы не хотите трахнуть меня как шлюху? Ведь для этого всё и затевалось, не так ли?

Я смотрела на него прямо, не мигая, вызывая его закон-

чить то, что начал.

Он резко выпрямился, отшатнувшись от кровати, будто я его обожгла. Его лицо, секунду назад бывшее сосредоточенным, исказилось от внезапной, чистой ярости.

— Заткнись. Ты... — он провёл рукой по лицу, сметая с него остатки какого-то намёка на мягкость. — Ты не шлюха. Ты... Чёрт возьми...

Он отвернулся, его плечи были напряжены до дрожи.

— Выйди.

— Даже будучи шлюхой, вы меня не хотите... — я медленно поднялась с кровати, подбирая с пола свою одежду. — М-м-м, как это... Двумично с вашей стороны.

Я не смотрела на него, одеваясь с преувеличенной медлительностью, растягивая этот момент унижения — его или своего, я уже не могла понять.

— То приказываете, то прогоняете. Решите уже, босс, что вам нужно. А то ваша «шлюха» начинает путаться.

С этими словами я вышла из комнаты, оставив дверь открытой.

— Елена! — его голос прозвучал у меня за спиной, резко и властно.

Я услышала его быстрые шаги в коридоре. Я не обернулась и не остановилась, продолжая идти к своей комнате. Каждый мой шаг отмерял дистанцию, которую он сам создал.

— Елена, я сказал стой! — он схватил меня за руку выше

локтя, его пальцы впились в кожу почти до боли.

Я резко дернула руку, но его хватка была как стальной капкан.

— Вы что, босс, передумали? — я повернулась к нему, и в моих глазах не было ничего, кроме ледяного вызова. — Решили, что шлюха всё-таки должна выполнять свои обязанности? Или, может, вам просто понравилось унижать меня, раз за разом?

— Ты не понимаешь...

— Что я не понимаю? — я попыталась высвободиться, но он лишь сильнее сжал пальцы. — Что вы сами не знаете, чего хотите? Это я поняла уже давно. Вы не хотите меня как женщину, но и не можете отпустить. Вы не хотите, чтобы я была шлюхой, но сами же называли меня ею. Так кто здесь на самом деле не понимает, босс?

Он резко дёрнул меня к себе, и наше столкновение было грубым, лишённым какой-либо нежности. Его губы снова обрушились на мои, но это не был поцелуй. Попытка силой стереть мои слова, моё сопротивление, самую мою волю.

Я оставалась неподвижной, как камень. Мои губы были сомкнуты, тело напряжено в ожидании, а не в желании.

Он оторвался, его дыхание было тяжёлым и прерывистым. Он смотрел на меня, и в его взгляде бушевала война — между яростью, фрустрацией.
— Ты доводишь меня до безумия, — выдохнул он, и его голос звучал хрипло, почти с отчаянием.

— Как классно, — произнесла я, и мой голос прозвучал ледяно и ровно, контрастируя с его срывом. — Так вы всё-таки меня трахнете или как? Или просто будете продолжать этот цирк с поцелуями, которые больше похожи на наказание? Определитесь, босс. Моё время, даже как шлюхи, не должно тратиться впустую.

— Ты не шлюха, — его голос прозвучал тихо, но чётко, пробиваясь сквозь тяжёлую тишину между нами. — Я не хотел тебя так называть. Это вырвалось.

Он отступил на шаг, проводя рукой по лицу, словно стирая маску гнева.

— Ты доводишь меня до того, что я говорю вещи, которые не думаю. Делаю вещи, которые не хочу делать. Эта роль... «босса»... Она не срабатывает с тобой.

— Понятно, — я повернулась и пошла прочь по коридору. Мои шаги были быстрыми и чёткими, отмеряющими дистанцию.

— Елена, я понимаю, что тебе больно, — его голос звучал сзади, он шёл за мной, но не пытался меня остановить.

— Вы ничего не понимаете, — бросила я через плечо, не замедляя хода. — Вы понимаете только в цифрах, в расчётах и в том, как загнать человека в угол. Боль — это не цифра в отчёте, Фабио. Её нельзя проанализировать и положить в сейф.

Он шагнул вперёд и перегородил мне путь, упёршись плечом в косяк двери. Его лицо было напряжённым, в глазах —

не злость, а какое-то недоумение, почти растерянность.

— Почему ты такая? — проговорил он. — Почему нельзя просто... — он запнулся, подбирая слова, — Принять то, что есть?

— Я приняла, босс.

— Хватит, — его голос дрогнул, в нём прозвучала не ярость, а усталая, почти отчаянная просьба. — Пожалуйста, хватит называть меня боссом.

— Я приняла всё это, — продолжила я. — И больше не злюсь. Ни на что. Всё просто есть. Вы — босс. Я — та, кто здесь находится. Всё остальное — просто шум.

Я обошла его, скользнув в узком промежутке между его телом и косяком двери, и зашла в свою комнату.

— Вы будете везде за мной ходить? — спросила я, не оборачиваясь, и взяла с кровати книгу, которую читала до всего этого.

— Нет, — его голос донёсся из коридора. — Просто смотрю, что ты делаешь.

Я открыла книгу на случайной странице и уставилась в неё, чувствуя его взгляд на своей спине. Он не входил, но его присутствие висело в воздухе у двери, тяжёлое и неотступное.

— Хочешь... — он сделал паузу, будто слова давались ему с трудом, — Мы можем съездить в твой город в Испании. К твоей бабушке.

Воздух выстрелил из моих лёгких. Книга выскользнула из

ослабевших пальцев и с глухим стуком упала на пол. Я смотрела на него, не веря, что ослышалась.

— Что?

— Я говорю, что если ты хочешь, то мы можем съездить в город твоей бабушки... Точнее, к тебе домой.

— Она... — голос сорвался, в горле встал ком. — Она наверняка думает, что я давно мертва.

— Нет, — он покачал головой, его взгляд был непривычно прямым. — Не думает.

— Откуда такая уверенность? — прошептала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Он помолчал, его пальцы сжали косяк двери.

— Ей писали от твоего лица письма. Все эти годы.

— Писали... — я прошептала это слово, ощущая, как почва уходит из-под ног. Вся ложь, всё одиночество этих лет вдруг обрело новый, чудовищный смысл. Кто-то все это время притворялся мной. Кто-то утешал её, пока я была заперта здесь.

— Да, — выдохнула я, и голос дрогнул. — Да, я хочу съездить.

— Съездим, — он коротко кивнул, его взгляд стал твёрдым и деловым, будто он уже составлял план в уме. — Но не сейчас. Нужно подготовить почву. Обезопасить ее и тебя.

— Хорошо, — согласилась я. Его мир не прощал неосторожности, но теперь у меня была цель. Ощутимая, реальная. Увидеть её. Убедиться, что она жива.

Он ещё секунду постоял в дверях, словно проверяя, не дрогну ли я, затем развернулся и ушёл, на этот раз оставив меня в одиночестве. Но комната уже не казалась такой пустой. Она была наполнена эхом его слов и дрожащей, хрупкой надеждой.

Прошло несколько часов.

Я спустилась к ужину и села за стол. Фабио уже ждал, его тарелка была ещё пуста.

— Тут холодно, — сказала я, снова поднимая эту тему. Я смотрела на него, ожидая не оправданий, а решения.

— Если хочешь, полетим в тёплую страну, — сказал он, его предложение прозвучало спокойно, как обсуждение деловых деталей. — Таиланд, Египет, Дубай, Мальдивы. Куда хочешь?

Он смотрел на меня, ожидая ответа, но в его взгляде не было прежнего раздражения. Была лишь практическая готовность устранить проблему, которую я обозначила.

— Таиланд, — сказала я. — Там клёвый массаж.

— Клёвый, — повторил он за мной, и в углу его рта дрогнула едва заметная тень улыбки.

— Да, клёвый, — подтвердила я, встречая его взгляд.

— Хорошо, хорошо, — он кивнул, его пальцы уже потянулись к телефону. — Попрошу, чтобы всё подготовили в Таиланде.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Спасибо, — повторила я тише, глядя на свои руки.

— Пожалуйста, — его ответ прозвучал так же тихо, и на секунду в комнате воцарилась тишина, наполненная чем-то новым, хрупким и незнакомым.

— Я пойду в баню, — сказала я. — Хочу побыть там... Попариться.

Он кивнул, не поднимая глаз от телефона, уже погружённый в организацию поездки.

Я вышла из столовой, направляясь к выходу. Воздух в доме всё ещё был прохладным, но теперь в нём витало ощущение движения, перемен. И баня казалась не убежищем, а местом, где можно было на время остаться наедине с этой новой, хрупкой надеждой.

Я сидела в бане до тех пор, пока кожа не стала густо-малиновой, а в ушах не зазвенело от жара. Потом, обернувшись в простыню, я быстро пересекла холодный двор и ворвалась в дом. Мурашки побежали по распаренному телу.

Я взяла с дивана тяжёлый шерстяной плед, завернулась в него с головой и устроилась в углу, поджав ноги. Тепло изнутри медленно смешивалось с теплом пледа, и впервые за этот день я почувствовала, как дрожь окончательно отпускает.

Фабио сел рядом на диван и взглянул на меня. Внезапно он дёрнул плечом.

— Ага! — я тут же ткнула в его сторону пальцем. — То есть всё-таки боссу тоже холодно!

— Нет, — он покачал головой, но губы его подрагивали.
— Просто я сдерживаюсь, чтобы не посмеяться. Ты красная, как варёный рак.

— Очень смешно.

— Мне смешно.

— Вы прям юморист, я смотрю.

— Садись, — он похлопал себя по коленям. — Согреешь меня. Пора платить долг.

Я, фыркнув, забралась к нему на колени. Он тут же накрыл нас обоих пледом, его руки обвили мою талию, прижимая спиной к своей груди.

— Тепло, — выдохнул он, и его дыхание коснулось моей шеи.

— Ещё бы не тепло, — пробормотала я. — Я сидела в бане... Минут сорок, наверное.
— Ну да... — его голос прозвучал прямо у меня над ухом, расслабленный и немного насмешливый. — Теперь ты мой личный радиатор.

Я почувствовала, как его грудь мягко вздрогнула от сдержанного смеха. Он наклонился и потрогал пальцы моих ног.

— Твою мать, они ведь холодные, — затем его рука дотронулась до моих рук. — И руки тоже.

— Это нормально, у меня так всегда.

Его большие, тёплые ладони накрыли мои ледяные пальцы ног, принявшись их медленно и методично разминать.

— Помню, как мне одна девочка в детстве говорила, что у кого холодные руки, у того ледяное сердце, — прошептал

он, его голос был приглушённым, будто воспоминание было давним и не совсем приятным.

— Руки у вас тёплые, — заметила я.

— А у тебя холодные, — парировал он, не прекращая массировать мои ноги. — Но я почему-то в этом совсем не уверен.

— Неуверенны в чём? — переспросила я, глядя на его руки, согревающие мои ноги. — В том, что мои руки холодные?

— Нет, — он покачал головой, его взгляд стал сосредоточенным, будто он изучал не мою кожу, а нечто под ней. — В том, что ледяное сердце.

— М-м-м, — прошептала я, отводя взгляд к камину.

Его пальцы продолжали своё медленное, настойчивое движение, и тишина, повисшая между нами, была густой и многозначительной.

— Фабио, как ты назвал Беатрис, что она так среагировала? — спросила я, чувствуя, как его руки на мгновение замерли на моих ногах.

— Никак, — ответил он, и его голос прозвучал резко, отрезающе.

— Прямо вот никак? — я повернулась к нему, пытаюсь поймать его взгляд.

Он отвел глаза, уставившись в противоположную стену.

— Никак. Тебя это не должно волновать.

— Х-м-м, ну ладно, ладно, — сдалась я. — Грейте пальцы

ног дальше.

Я устроилась поудобнее и положила свои холодные ладони ему на грудь, чувствуя, как он непроизвольно вздрогнул. Затем медленно провела руками вниз, к животу.

— Тепло... — прошептала я, закрывая глаза и ощущая под пальцами твёрдые мышцы и исходящее от него ровное, глубокое тепло.

Затем я решила обнаглеть. Медленно, давая ему время остановить меня, я развернулась и оседлала его, устроившись лицом к нему. Обвила его талию руками и прижалась головой к его плечу, погрузив нос в ту самую точку, где шея встречается с ключицей, в запах его кожи и парфюма.

— Ты чуть обнаглела, — произнёс он.

— Знаю, знаю... — прошептала я ему в шею.

Его рука медленно поднялась и легла мне на спину. Сначала просто лежала, тяжёлая и тёплая, а затем начала гладить — медленные, широкие круги от лопаток до поясницы. Я прикрыла глаза, полностью растворившись в этом простом, почти невыносимом прикосновении. Всё остальное — обиды, слова, боль — на мгновение отступило, уступив место тихому ритму его ладони и ровному стуку его сердца под моим ухом.

Глава 8

Самолёт плавно коснулся взлётной полосы аэропорта Бангкока. Выйдя на трап, нас сразу окутала влажная, густая жара, такая контрастная после прохлады Грузии. Мы быстро сели в ожидавший кортеж, и машина тронулась, растворяясь в потоке экзотичных огней и звуков.

— И где мы будем жить? — спросила я, глядя на мелькающие за окном пальмы и неоновые вывески. — Я надеюсь, не в шалаше?

— В вилле, — ответил он, не глядя на меня, его внимание было приковано к сообщению на телефоне. — На берегу океана с бассейном и кондиционером.

Машина свернула с шумной трассы на тихую, утопающую в зелени дорогу. Через высокие ворота мы въехали на территорию, где среди тропического сада стояла просторная белая вилла. Огромные панорамные окна выходили на частный пляж, где бирюзовые волны лениво накатывали на песок.

— Устроит? — он наконец поднял на меня взгляд.

— Да, — я кивнула, стараясь сохранить невозмутимость, хотя вид океана за окном заставлял сердце биться чаще. — Более-менее сойдёт.

Он фыркнул, явно уловив мою попытку скрыть впечатление.

— Рад, что мои скромные апартаменты удостоились такой

высокой оценки, — произнёс он с лёгкой, почти незаметной насмешкой в голосе.

Как только машина остановилась, острая, скручивающая боль пронзила низ живота. Я резко выдохнула, и Фабио тут же повернул ко мне голову.

— Что с тобой?

Не в силах ответить, я распахнула дверь и почти вывалилась наружу, едва успев добежать до ближайших кустов, прежде чем меня вырвало. Всё, что было съедено вышло наружу мучительными спазмами. Я стояла, согнувшись, опираясь руками о колени, слыша, как дверца машины захлопнулась и к мне быстрыми шагами направился Фабио.

— Укачало, — выдохнула я, вытирая рот тыльной стороной ладони и стараясь выпрямиться, хотя живот всё ещё ныл.

Он остановился в двух шагах, его взгляд скользнул по моему бледному лицу, по испарине на лбу.

Я стояла, сгорбившись, и ждала его реакции — насмешки, раздражения, чего угодно. Но он просто шагнул вперёд, его рука легла мне на лоб, быстрая и твёрдая.

— Температуры нет, — прошептал он, затем его взгляд упал на охрану. — Внести вещи. Вызвать врача.

Машина, следовавшая за нашим кортежем, остановилась, и из неё вышла Каталина. Я замерла, наблюдая, как она приближается. Она была воплощением того, чего я никогда не смогу достичь — блондинка с загорелой кожей и яркими голубыми глазами, сияющими от предвкушения.

— Фабио, мне как сказали, что ты приехал, я сразу примчалась, — её голос прозвучал сладко и мелодично, пока она обнимала его, целуя в щёку.

Я стояла неподвижно, всё ещё чувствуя тошноту, но теперь к ней добавилось иное, знакомое ощущение — острое, колющее чувство неполноценности.

— Ты зачем приехала? — голос Фабио прозвучал ровно, но в нём явно читалось напряжение.

— Привет, Елена, — Каталина бросила мне небрежное приветствие, помахав рукой, прежде чем вернуться к нему. — Я зачем приехала? Ну, мы давно не виделись, Фабио... — она протянула руку, чтобы коснуться его груди, но он едва заметно отклонился.

— Мне уже не нужен врач, — резко сказала я Фабио, глядя прямо на него. — Привет, Каталина.

— Фабио, ну мне нужно с тобой поговорить, — она улыбнулась ещё шире и всё-таки положила руку ему на грудь, её пальцы легонько сжали ткань.

— Елена, тебе нужен врач, — повторил Фабио, его взгляд был прикован ко мне, игнорируя прикосновение Каталины.

— Нет, — я выпрямилась во весь рост, отбрасывая слабость, и, не оглядываясь, пошла внутрь виллы, оставляя их вдвоём у машины.

Я зашла внутрь виллы, прошла через просторную гостиную с белыми стенами и вышла на современную кухню. Взяла со стола стеклянный стакан, мои пальцы всё ещё слегка

дрожали. Налила себе воды из кулера и сделала несколько глотков, стараясь смыть привкус тошноты и горечи.

За большим панорамным окном я видела их силуэты — Каталину, всё ещё пытающуюся что-то доказать, и Фабио, стоящего неподвижно, его поза говорила о нетерпении.

Я отвернулась.

В итоге я услышала, как открывается входная дверь и их шаги отдаются эхом на мраморном полу. Голос Каталины, настойчивый и сладкий, резал воздух:

— ...Просто пять минут, Фабио, я обещаю.

Я не оборачивалась, делая вид, что изучаю вид на океан, но в отражении в стекле видела, как он повернулся к ней, его лицо было холодным и неумолимым.

— Ты сказала всё, что хотела. Теперь уезжай. Охрана проведит тебя до машины.

— Фабио! — её голос сорвался на визгливую, обиженную ноту. — Мы могли бы хотя бы потрахаться! Я летела через пол-страны!

Я застыла у окна, стакан в руке стал вдруг невыносимо тяжёлым.

Фабио не ответил ей сразу. Тишина повисла густая и тяжёлая. Потом я услышала его шаги — твёрдые, быстрые — и скрип открывающейся двери.

— Выходи. Пока я не приказал вышвырнуть тебя или сам не вышвырнул.

— Сочту, что ты просто без настроения, — её голос про-

звучал обиженно, но уже без прежней настойчивости. Послышались быстрые, отступающие шаги по мрамору, и дверь за ней захлопнулась.

Я стояла, не двигаясь, глядя на своё отражение в тёмном стекле, и слышала, как его шаги направились ко мне. Он остановился в паре метров сзади.

— Врач будет через двадцать минут, — произнёс он.

— Я же сказала, что мне не нужен врач, — буркнула я, сжимая стакан. — Это просто несварение, и всё. Такое бывает. Ну, даже если и умру, так тому и быть.

Я сказала это с вызовом, почти надеясь, что он рассердится. Но он лишь тяжело вздохнул.

— Ты не умрёшь, — его голос прозвучал прямо у меня за спиной, тише и ближе, чем я ожидала. — Потому что твоя бабушка ждёт тебя в гости. Так что будешь терпеть врача.

Через некоторое время приехал врач — пожилой таец с невозмутимым лицом. Он осмотрел меня, задал несколько вопросов о том, что я ела, и констатировал:

— Просто отравление. Несерьёзно. Нужно пить много воды и принять это. — Он достал из чемоданчика несколько блистеров с таблетками. — От тошноты и для восстановления флоры.

Фабио, стоявший в дверях, молча кивнул. Врач оставил лекарства, дал ещё несколько инструкций и удалился.

Когда дверь закрылась, Фабио перевёл взгляд на меня.

— Слышала? Пить и принимать таблетки. Никаких ге-

ройств.

— Поняла, — тихо прошептала я.

Я взяла таблетку, запила её большим глотком воды и проглотила, чувствуя, как прохладная жидкость смягчает сухость в горле. Поставив стакан на стол, я не решалась поднять на него взгляд, ожидая очередного замечания или приказа.

Но он просто стоял и смотрел. Потом развернулся и вышел из комнаты, оставив дверь открытой.

Я рухнула на диван, не в силах бороться с накатившей усталостью. Она навалилась тяжёлым, тёплым одеялом, смешавшись с остаточной слабостью от отравления. Последнее, что я почувствовала, прежде чем сознание погрузилось во тьму, — это тихие шаги в комнате и ощущение лёгкого пледа, брошенного на меня.

Я проснулась, несколько раз моргнула, пытаюсь прогнать остатки сна, и села на кровати. Я встала, налила себе стакан воды и залпом выпила его, чувствуя, как прохлада разливается по телу.

Из гостиной слышался его голос, ровный и деловой:

— Ты проснулась. У нас ужин, собирайся. Поедем на яхту.

Через некоторое время мы вышли на частный пляж, где у причала покачивалась большая, ослепительно-белая яхта. Мы поднялись на борт, и я почувствовала, как лёгкое платье обвивается вокруг ног от морского бриза.

Нас встретил капитан с почтительным поклоном. Яхта бы-

ла роскошной — полированный тик, мягкие диваны, столик, накрытый белоснежной скатертью.

Фабио указал мне на место рядом с собой. Я села, чувствуя, как прохладный шёлк платья прилипает к коже. Он что-то сказал капитану, и яхта плавно отошла от берега.

Воздух наполнился солёным запахом моря и звуком ветра в такелаже. Я смотрела на удаляющийся берег, на огни Бангкока, зажигающиеся в сумерках, и впервые за долгое время почувствовала нечто, отдалённо напоминающее покой.

Я смотрела на воду, на тёмно-синие волны, рассекаемые носом яхты, и на искрящиеся в последних лучах солнца брызги.

— Как самочувствие? — его вопрос прозвучал тихо, не нарушая умиротворяющего шума ветра и воды.

— Мне намного лучше, спасибо, — ответила я, и это была правда. И не только из-за таблеток.

Когда мы закончили ужинать, команда быстро убрала со стола, и мы переместились на мягкие подушки и низкие диваны на корме. Ночь опустилась над океаном, и только огни яхты и бесконечные звёзды над головой освещали нас.

Мы разговаривали. Не о делах, не о деньгах, не о прошлом. О чём-то простом и далёком. О книгах, которые я читала в его библиотеке. Он слушал, его взгляд был прикован ко мне, а не к горизонту.

В какой-то момент я рассмеялась над какой-то его сухой ремаркой, и звук собственного смеха удивил меня. Он не

улыбнулся в ответ, но в его глазах смягчилось.

Я обхватила колени руками, глядя на звёзды, и позволила воспоминанию выплыть наружу.

— Я помню, как в детстве мешала бабушке готовить для гостей. Постоянно что-то воровала со стола — кусочек сыра, оливку... Она, конечно, кричала на меня: «Елена, ручки прочь!» — но я убегала и пряталась под столом, думая, что я невидима.

Я замолчала, улыбка медленно таяла на моих губах.

— Она потом всегда оставляла для меня маленькую тарелку с тем, что я любила, на краю стола. Говорила: «Чтобы не лазила, как воришка».

— Она хорошая женщина, — наконец произнёс он, его голос был тихим.

— Да, она была очень доброй, — я улыбнулась, и на этот раз улыбка была настоящей, лёгкой. — От неё всегда пахло сахарной пудрой. Она обожала её, да и меня в детстве подсадила. Мы могли целый день простоять на кухне, перепачканные в муке, и печь печенье в форме зверей. Она говорила, что у меня получается лучше, чем у неё.

Я замолчала, вдруг осознав, как много лет не позволяла себе этих воспоминаний. Они были слишком болезненными, слишком далёкими от той жизни, которую я вела.

— Пахнуть сахарной пудрой... — он произнёс это задумчиво, как будто пытался представить. — Это лучше, чем пахнуть порохом и деньгами.

— О, да, босс, это намного лучше, — согласилась я, намеренно вкладывая в обращение лёгкую, почти дерзкую ноту.

Он повернул голову, и в свете звёзд я увидела, как его глаза сузились, но не от гнева.

— М-м-м, хватит называть меня боссом... — его голос прозвучал низко, больше как просьба, чем приказ.

— Босс, босс, босс... — нарочито протянула я, растягивая каждый звук, глядя на него с вызовом.

Он резко развернулся ко мне. В его глазах не было ярости, но было нечто более опасное — тёмное, сосредоточенное и предсказуемое. Прежде чем я успела отреагировать, его рука обвила мою талию, и он потянул меня к себе так, что я оказалась почти у него на коленях.

— Предупреждаю в последний раз, — его губы оказались в сантиметре от моего уха, а голос был тихим и вязким, как мёд. — Следующее слово будет стоять тебе... Приватного урока по этикету.

Я посмотрела на него широко раскрытыми глазами, чувствуя, как губы предательски дрожат, пытаюсь сдержать улыбку. Затем я медленно, не торопясь, соскользнула с его колен обратно на подушку.

Его рука, всё ещё лежавшая на моей талии, скользнула ниже, мягко погладив внешнюю сторону моего бедра через тонкую ткань платья.

— Трусюшка, — прошептал он, и в его голосе снова появились те самые опасные, насмешливые нотки.

— Босс, — прошептала я, глядя ему прямо в глаза.

Он не стал ничего говорить. Его рука с моей ноги резко переместилась к моей шее, не сжимая, а просто фиксируя. Другая рука схватила меня за талию и перекинула через его колени так быстро, что у меня захватило дух. Я оказалась лежащей животом на его коленях, спиной к небу, его тяжёлая рука лежала на моей пояснице.

— Раз ты настаиваешь на этом титуле, — его голос прозвучал ровно, без гнева, — То получишь обратную связь, соответствующую должности.

И его ладонь обрушилась на мою задницу через тонкий шёлк платья. Удар был не болезненным, но оглушительно громким в ночной тишине. От неожиданности я ахнула.

— Этикет, — он нанёс второй удар, чёткий и методичный. — Первый урок. Обращение. Когда тебе говорят прекратить — ты прекращаешь.

— Фабио! — я рассмеялась, пытаюсь вывернуться, но его хватка на моей пояснице была железной. — Всё, всё, я поняла, поняла!

Его рука замерла в воздухе, готовая к следующему удару.

— Поняла что именно?

— Что нужно слушаться, когда тебя просят перестать! — выпалила я, всё ещё хихикая, хотя щёки пылали и от смущения, и от странного возбуждения.

Он медленно опустил меня обратно на подушки, позволив перевернуться. Его взгляд был тяжёлым и оценивающим.

— Созвездия красивые, — сказала я, указывая на усыпанное звёздами небо, стараясь вернуть нам хоть какую-то нормальность, хотя сердце всё ещё бешено колотилось.

— Ты созвездия знаешь? — в его голосе прозвучало лёгкое удивление.

— Да, — я улыбнулась, глядя вверх и чувствуя, как напряжение понемногу спадает. — Почти все. Бабушка учила. Говорила, что звёзды — это самые верные ориентиры. Они не меняются, куда бы тебя ни занесло.

Он лёг рядом со мной на подушки, его плечо почти касалось моего. Взгляд его последовал за моим пальцем, указующим в небо.

— И какие тут есть созвездия? — спросил он, и в его голосе не было привычной насмешки, лишь спокойный интерес.

— Самое заметное... Вот, видишь тот большой ковш? Это Большая Медведица. Если от него провести линию, — я провела пальцем по воздуху, — То найдёшь Полярную звезду, конец ручки Малой Медведицы. А вот там... — я переместила палец, — Вроде бы Стрелец... А, нет, прости, это Скорпион. Видишь, хвост загнут крючком?

Я замолчала, внезапно осознав, что говорю слишком много, но он не перебивал. Он просто лежал и смотрел на звёзды, слушая.

— Продолжай, — тихо прошептал он, его голос почти потерялся в шепоте океана.

— Есть ещё... Редкое созвездие, — сказала я, всё ещё вглядываясь в россыпь огней над головой. — Южная Корона. Оно небольшое, но красивое. Может быть, нам повезёт, и мы его увидим. Нужно смотреть... Примерно туда.

Я указала в сторону южного горизонта, туда, где небо казалось особенно тёмным и густым. Мы лежали молча, наши взгляды блуждали по звёздной карте, и в этой тишине не было нужды в словах. Было только небо, море и наше странное, хрупкое перемирие под сенью ночи.

— Вот там, да! Вау, это оно! — я воскликнула, приподнимаясь на локте и тыча пальцем в тёмный южный сектор неба, где слабая, но отчётливая дуга из звёзд складывалась в нечто, напоминающее венец.

— Где, где? — он приподнялся рядом, его взгляд беспомощно скользил по указанному мной направлению.

— Фабио, вот там! — я поймала его руку и направила его собственный палец, вытягивая его руку в нужную сторону. — Видишь? Такая маленькая дуга, как корона.

— Я не... — он начал, но замолчал, его палец всё ещё был направлен туда, куда я направила. Он присмотрелся, и я увидела, как его глаза наконец сфокусировались. — А... Вижу. Маленькая.

Его рука всё ещё была в моей, и он не спешил её забирать. Мы сидели так, его палец всё ещё указывал на Южную Корону, а моя рука лежала поверх его.

— Ты очень умная, Елена, — произнёс он, и слова эти

повисли в воздухе, такие неожиданные, что я на мгновение перестала дышать.

Комплимент?!

Это его первый комплимент за все эти годы?

— Я бы не сказала... — пробормотала я, чувствуя, как жар поднимается к щекам, и опустила взгляд, будто находя внезапный интерес к узору на подушке.

— А я бы сказал, — его голос прозвучал твёрже, он не позволил мне уклониться. — У тебя грамотная речь, когда надо. Хорошие манеры, не в пример некоторым. Ты читаешь больше, чем все мои бухгалтеры вместе взятые. Считаешь так, что мои люди краснеют. И знаешь созвездия... — он сделал паузу, и в его голосе послышалась лёгкая, почти неуловимая усмешка, — Которые даже я, при всём моём... Опыте, не смог разглядеть, пока ты не направила мой палец, как школьнику.

Он не сводил с меня взгляда. Он видел меня. И то, что он видел, ему нравилось.

— Ты самая умная из всех девушек, которых я когда либо встречал, — произнёс он, и слова эти прозвучали не как легкомысленный комплимент, а как холодный, выверенный вердикт. — За всю свою жизнь.

Он говорил не о красоте или обаянии. Он говорил об интеллекте. О том, что он ценил по-настоящему.

Я не знала, что ответить. Воздух перестал поступать в лёгкие. Звёзды над нами вдруг замерли, будто и они прислуши-

вались.

Глава 9.

Мы отправились на традиционный тайский массаж. Фабио был одет в белые льняные штаны и рубашку, и я — в белое платье. На фоне яркого тропического солнца мы и правда выделялись.

— Мы из-за этой белой одежды похожи на негров, — заметила я, глядя на наши отражения в стеклянной двери салона.

Фабио приостановился и поднял бровь.

— Елена, это что, расизм? — в его голосе прозвучала лёгкая, почти невесомая усмешка.

— Я сказала правду, — пожала я плечами, открывая дверь. — Ничего личного.

— Я поражаюсь тобой... — он покачал головой, но последовал за мной внутрь.

— Все на массаж, — объявила я, проходя в прохладный, наполненный ароматом имбиря и лемонграсса зал. Нас проводили в отдельный зал с двумя массажными кушетками. Я быстро сняла платье и устроилась лицом вниз, накрывшись простынёй. Краем глаза я заметила, как Фабио, скинув рубашку, на мгновение задержал на мне взгляд, прежде чем лечь на соседнюю кушетку.

Ему стали делать массаж, и он лежал недвижимо, словно каменная глыба, лишь изредка издавая короткое, одобри-

тельное «mmm».

А я не могла сдержаться. Каждое движение рук массажистки вызывало у меня смех — сначала сдержанный, потом всё более громкий, когда она находила особенно щекотливые места. Но следом за смехом вырывались и резкие, произвольные «ай!», когда её пальцы с невероятной силой впились в зажатые мышцы.

— Ты там жива?

— Еле-еле! — выдохнула я, заливаясь новым приступом смеха, когда массажистка снова нашла уязвимое место у меня на боку.

Когда массажистка взялась за мои стопы, начав с невероятной силой разминать свод, из меня вырвался настоящий, оглушительный визг. Я дёрнулась, пытаюсь вырвать ноги, но её руки держали меня в стальной хватке.

— Ай-ай-ай-ай! Фабио, она ломает мне ноги! — завопила я, смешивая слёзы боли со смехом, потому что это было невыносимо и комично одновременно.

— Терпи. Говорят, это полезно.

— Мне щекотно! — я залилась новым приступом безудержного смеха, пытаюсь вывернуть ноги из железной хватки массажистки, но та лишь крепче впилась пальцами в свод стопы, вызывая очередную волну хохота, смешанного с отчаянными всхлипами. — Остановитесь! Пожалуйста!

С соседней кушетки донёсся ещё один короткий, хриплый звук, больше похожий на одобрительное кряхтение, чем на

смех.

— Похоже, нашли твое слабое место, — прокомментировал он невозмутимо.

Дальше я лежала спокойнее, если не считать редких судорожных вздрагиваний, когда её пальцы вновь находили чувствительную точку. Я зажмурилась и старалась дышать глубоко, представляя себя где-нибудь на облаке.

А Фабио кайфовал. Он лежал абсолютно расслабленно, его мощная спина поддавалась уверенным движениям массажистки без единого звука протеста. Лишь изредка он издавал тихое, глубокое «а-а-а...», когда она особенно сильно прорабатывала зажим у него в плечах. Он выглядел так, будто наконец-то нашёл единственное место на земле, где мог позволить себе полностью отпустить контроль.

Через несколько минут массаж закончился. Я медленно поднялась с кушетки, всё ещё чувствуя приятную, размягчённую тяжесть во всём теле, и стала одеваться.

Фабио поднялся следом. Его щека и половина лба были ярко-красными — он отлежал их, не двигаясь всё это время. Он провёл по лицу рукой, пытаясь разогнать онемение, и поймал мой взгляд.

— Что? — буркнул он, но в его глазах не было раздражения, лишь лёгкая, сонная отрешённость.

— Ничего, — я улыбнулась, натягивая платье. — Просто симпатично.

Мы вышли из прохладного салона обратно в тайскую жару

и сели в машину.

— Покушаем?

— Только не морепродукты, — выдохнул Фабио, откидываясь на спинку сиденья и закрывая глаза. — Меня тошнит от них.

Мы остановились у неприметного здания из тёмного дерева, увитого тропическими лианами. Широкая дверь из тика бесшумно отъехала в сторону, впуская нас внутрь.

Контраст был разительным. После ослепительного солнца мы погрузились в царство приглушённого света и прохлады. Воздух был густым от аромата сандала и имбиря. Звуки города сюда не доносились — их поглотили тяжёлые ковры и низкие сводчатые потолки.

Нас провели через зал, где в отдельных нишах за столами из чёрного дерева сидели другие посетители, их тихие голоса сливались с мелодичным перебором цитры. Наш столик стоял у стены, затянутой шёлком цвета старого золота, в глубине зала.

Фабио откинулся на спинку стула из тёмного ротанга, его белая рубашка мягко контрастировала с окружающей полутьмой. Он взял меню — простой лист плотной бумаги с вытесненными иероглифами.

— Стейк. «Ангус», с кровью, — его голос прозвучал тихо, но официант, склонившийся рядом, замер, ловя каждое слово. — И бургундское. Лучшее, что есть.

Он перевёл взгляд на меня, и в его глазах читался немой

вопрос.

Я скользнула пальцем по списку. Атмосфера этого места, его тихая, уверенная роскошь, требовала чего-то уместного.

— Паппарделле с чёрным трюфелем, — сказала я, встречая его взгляд. — И воду с газом

Уголок его рта дрогнул в чём-то, отдалённо напоминающем одобрение. Официант бесшумно удалился, и мы остались вдвоём в этом пузыре тишины и тени, где единственным движением были блики света на тёмном дереве и мерцание пламени в высокой стеклянной колбе на столе.

Через некоторое время, когда мы закончили обед, машина доставила нас обратно на виллу. Я поднялась в свою комнату, надела простой чёрный купальник и набросила поверх лёгкую белую накидку из шифона. Фабио уже ждал внизу в одних плавках, с полотенцем через плечо.

Мы босиком прошли по нагретому дереву террасы и спустились по ступеням на наш частный пляж. Песок был мелким и золотистым, а океан в этот час казался расплавленным серебром под лучами заходящего солнца. Я сбросила накидку на шезлонг и сделала первые шаги к воде, чувствуя, как тёплый песок обволакивает ступни, а солёный бриз развеивает волосы.

Я сделала несколько быстрых шагов по песку и побежала в воду. Тёплые волны обняли мои лодыжки, затем колени, и я, не сбавляя темпа, нырнула в накатывающую грядку.

Я проплыла под водой несколько метров, чувствуя, как

пузырьки воздуха щекочут кожу, и вынырнула уже далеко от берега, отряхиваясь от солёных брызг. Фабио стоял у кромки воды, наблюдая за мной с тем привычным, невыразительным выражением лица.

Он вошёл в воду — не спеша, мощно рассекая воду. Затем исчез под поверхностью, и несколько секунд всё было спокойно.

Я лежала на спине, покачиваясь на лёгких волнах, глядя в розовеющее небо, как вдруг нечто твёрдое и сильное обхватило мои лодыжки и резко потянуло вниз.

Я не успела даже вскрикнуть. Вода сомкнулась над головой, солёная и неожиданная. Я барахталась, пытаюсь вырваться, но хватка была стальной.

Я вынырнула, отчаянно хватая ртом воздух и отплёвываясь от солёной воды. Фабио стоял по пояс в воде в паре метров от меня, и его плечи слегка вздрагивали от сдержанного смеха.

— За что?! — я провела рукой по лицу, считая мокрые пряди волос, и попыталась шлёпнуть по воде в его сторону, но брызги разлетелись жалко и не долетели.

— Просто так, — он подплыл ко мне ближе, его тело легко рассекало воду. Остановился так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло, контрастирующее с прохладой океана.

Его руки легли на мою талию под водой, нежно, но уверенно.

— Мне захотелось увидеть, как ты будешь выглядеть, когда внезапно окажешься под водой. — В его глазах плясали озорные искорки. — Ты не разочаровала.

— Босс...

— Опять «босс», — он цокнул языком, и его пальцы слегка сжали мои бока под водой, от чего я вздрогнула.

— Фабио... — поправила я, и моё дыхание перехватило, когда он притянул меня ещё ближе.

Наши тела почти соприкоснулись под поверхностью воды, и внезапно стало ясно, что это уже не иллюзия, а нечто другое, более серьёзное и стремительное.

— М-м-м? — он издал низкий, гортанный звук, его взгляд был прикован к моим губам.

Но в этот момент мерзкое, скользкое и быстрое коснулось моей ноги под водой. Я завизжала, не своим голосом, и в следующее мгновение, чисто инстинктивно, вскочила на него, обвив ногами его талию и вцепившись руками в его плечи.

— Меня что-то тронуло! — почти закричала я, прижимаясь к нему всем телом. — Что-то тронуло внизу!

Он на секунду застыл от неожиданности, его руки автоматически обхватили меня под бёдра, чтобы удержать. Затем он рассмеялся — коротко, глухо, его грудь вздрогнула подо мной.

— Это, скорее всего, была всего лишь водоросль, Елена, — его голос дрожал от сдерживаемого смеха.

— Нет! — я вцепилась в него ещё сильнее, мои ноги плот-

нее обвинили его торс. — Это явно не водоросль! Это было живое!
— Возможно, маленькая рыбка, — предположил он, но его улыбка становилась всё шире.

— Это акула! — заявила я с полной уверенностью, глядя ему прямо в глаза. — Я чувствовала! Она охотится!

Он не выдержал и рассмеялся открыто — низкий, раскатистый смех, который отдавался эхом в тихом заливе.

— В метре от берега? — он поднял бровь. — Очень грозная акула. Должно быть, она заблудилась.

Я всё ещё сидела на нём, его сильные руки надёжно поддерживали меня под бёдрами. Вода мягко покачивала нас на месте.

— Так на чём мы остановились, а? — прошептал он, и его голос приобрёл опасную, бархатистую ноту, от которой по коже бегут мурашки. Его взгляд скользнул с моих глаз на губы.

Вся история с «акулой» мгновенно испарилась из головы, уступив место куда более реальной и пугающей осаде. Воздух между нами снова стал густым, тяжёлым, несмотря на океанский простор.

— Ничего, — прошептала я, но мой взгляд непроизвольно ускользнул в сторону.

— Ты что-то хотела мне сказать, Елена, — он не отпускал, его пальцы слегка сжали мои бёдра.

Я снова посмотрела в воду, и на этот раз я увидела её чётко — тёмный, стремительный силуэт, скользящий в полуметре

от нас. Не водоросль. Не маленькая рыбка.

— Фабио! — мой визг был пронзительным и абсолютно искренним. Меня затрясло так сильно, что зубы выбивали дробь. — А-а-акула...

Я впилась в него с такой силой, что, казалось, хотела влезть на него самого.

Он мгновенно напрягся, его тело стало твёрдым, как скала. Он развернул меня за бёдра, отворачивая и сам посмотрел в воду.

— Это рифовая акула, Елена, — произнёс он через секунду, и его голос снова приобрёл спокойную, ровную интонацию. — Как морская собачка. Она не опасна. Просто любопытная.

— Фабио, неси меня! — я вжалась в него ещё сильнее, пытаясь забраться буквально на голову. — Я не встану в воду!

Он коротко фыркнул.

— Как приказано, — он развернулся и начал медленно, не спеша, выходить из воды, неся меня на себе, как какой-то драгоценный, но очень нервный груз. — Хотя она уже уплыла. Смотреть-то не на что.

— Уплыла? — неуверенно переспросила я, всё ещё цепляясь за него.

— Да, — он кивнул, стоя уже по колено в воде. — Елена, они не кусаются. Да и я тебя спасу, если что.

Его слова прозвучали настолько просто и уверенно, что паника наконец начала отступать. Я медленно, нехотя, раз-

жала руки и сползла с него, чувствуя, как песок снова упирается в подошвы. Вода всё ещё казалась враждебной, но его спокойствие было якорем.

Он сделал шаг вперёд, и внезапно его тень накрыла меня, блокируя заходящее солнце.

— Ты что-то хотела мне сказать, — его голос прозвучал тихо, но с неумолимой настойчивостью. Он приподнял моё лицо за подбородок, заставляя встретить его взгляд. — Мы всё никак не можем закончить то, что начали, Елена.

— Я просто сказала твоё имя, — пробормотала я, чувствуя, как его пальцы под моим подбородком становятся твёрже. — В этом нет никакого умысла.

— М-м-м, — он снова издал тот низкий, гортанный звук, и его взгляд, тёмный и неотрывный, приковался к моим губам.

— Мы так и будем стоять в воде? — прошептала я, и мой голос дрогнул, когда его лицо оказалось всего в сантиметре от моего.

— Я вот что хочу сделать, — он наклонился ещё ближе, и его губы наконец коснулись моих.

Поцелуй был нежный, но уверенный, полный скрытой нежности, которую я никогда от него не ожидала. Вода ласково покачивала нас, солёные брызги оседали на коже, но всё это ушло на второй план. В мире остались только его губы, его руки на моей талии и оглушительная тишина, нарушаемая лишь биением наших сердец.

— Просто делай то, что делаю я, — его шёпот смешался с шёпотом волн.

Его губы снова нашли мои, но на этот раз движение было медленным, обучающим. Он словно показывал мне ритм — мягкое давление, лёгкое движение. Я, всё ещё неуверенная, попыталась повторить, и он издал тихое, одобрительное «mmm», когда наши губы снова встретились в более уверенном, пусть и неловком, танце.

Его язык мягко проскользнул в мой рот, и я почувствовала, как его руки крепче сжимают мои бёдра, прижимая меня к нему. Сначала я замерла, но затем, следуя его примеру, начала неуверенно повторять движения его языка. Мои руки сами потянулись к его шее, пальцы вплелись в мокрые волосы у затылка.

Он ответил низким стоном, и его объятия стали ещё теснее. Вода покачивала нас, солёные брызги смешивались со вкусом его губ, и весь мир сузился до этого поцелуя — неловкого, страстного и бесконечно нового.

Он легко поднял меня на руки, и я инстинктивно обвила его бёдра ногами, чтобы не соскользнуть. Он нёс меня из воды, не прерывая поцелуя, его шаги были уверенными, несмотря на сопротивление волн.

Всё мое тело прижалось к его мокрой, тёплой коже. Руки всё так же были вплетены в его волосы, а его ладони уверенно держали меня под бёдрами. Прерывистое дыхание и шум прибоя сливались воедино.

— Видишь? Это несложно, — он произнёс это, слегка отрываясь, его дыхание было тёплым и учащённым.

— Вижу... — выдохнула я, всё ещё чувствуя вкус его губ на своих.

Я медленно разжала ноги и сползла с него, снова ощутив под ногами твёрдый, мокрый песок. Моё сердце всё ещё колотилось, но теперь не только от страха перед акулой.

— Надо помыться нам и на яхту, — сказал он, его голос снова приобрёл деловую окраску, но в глазах ещё оставался отблеск только что случившегося. — Покажешь мне снова созвездия.

Он развернулся и пошёл к вилле, не оглядываясь, оставив меня стоять на песке с губами, всё ещё хранящими тепло его поцелуя, и с обещанием нового вечера под звёздами, которое висело в воздухе, сладкое и пугающее.

Я пошла за ним по следам на песке, через террасу и в прохладный мраморный холл виллы. Не говоря ни слова, я поднялась по лестнице в свою комнату и зашла в ванную.

Под струями тёплого душа я закрыла глаза, позволяя воде смыть с кожи соль и песок. Но ощущение его рук на моих бёдрах и вкус его поцелуя, казалось, впитались глубже, чем морская вода. Я провела пальцами по губам, пытаясь стереть память о них, но это лишь заставило сердце биться чаще.

— Он поцеловал меня, — прошептала я себе под нос. Голос дрожал. — Меня...

Я прислонилась лбом к прохладной кафельной стене, поз-

воляя воде течь по спине. Это переворачивало всё с ног на голову.

После душа надела сиреневое платье из лёгкого шёлка, которое мягко облегалo фигуру. Расчесала волосы, и они упали на плечи ровными, чуть волнистыми прядями. Я посмотрела на своё отражение — в глазах было непривычное волнение, а на губах — следы застывшей улыбки.

Я спустилась вниз, прошла на кухню и взяла с мраморной столешницы спелый плод манго. Я отломилa кусочек, и сладковато-пряная мякоть распространилась по языку.

Опершись о стойку, я медленно ела, глядя в огромное окно на тёмный теперь океан. Вкус фрукта был ярким и отвлекающим, но мысли всё равно возвращались к тому, что произошло на пляже. К его рукам, его губам, его тихому голосу в темноте.

— Елена, — его голос прозвучал с порога кухни.

— Да? — я обернулась, всё ещё держа в руке половинку манго.

— Скоро поедем. Там будет еда. И фрукты, — он кивнул в сторону окна, за которым ждала яхта.

— Хорошо.

Его взгляд скользнул по мне, задержавшись на платье на секунду дольше необходимого.

— Красиво, — произнёс он просто, без намёка на лесть. Затем развернулся и вышел, оставив меня стоять с внезапно учабившимся сердцебиением и недоеденным фруктом в

руке.

Глава 10

Мы поднялись на борт яхты, и она тут же плавно отошла от причала. Фабио стоял у борта, глядя на удаляющиеся огни берега.

— Я купил проектор, — сказал он, не поворачиваясь. — Потому мы можем посмотреть какой-то фильм, если ты хочешь, конечно.

Он посмотрел на меня, и в его глазах читалось не привычное требование, а скорее предложение.

— Да, почему бы и нет, — ответила я с лёгкой улыбкой, устраиваясь поудобнее на мягких подушках на палубе. — Можем посмотреть что-нибудь комедийное.

— Хорошо, — он коротко кивнул и сделал знак рукой одному из членов команды.

Вскоре на стене салона закрепили белую простыню, а проектор мягко загудел.

Фабио опустил на подушки рядом со мной, его плечо почти касалось моего. Команда быстро организовала всё вокруг — принесли несколько мягких пледов, корзину с фруктами, тарелки с закусками и даже ведро со льдом, в котором поблёскивала бутылка.

Он накрыл нас обоих большим шерстяным пледом, его движение было быстрым и практичным, но в нём не было прежней холодной отстранённости. Под простынёй заиграли

первые кадры комедийного трейлера, а мы сидели в уютном коконе из ткани, тепла и тихого гула яхты, плывущей в ночи.

Я потягивала прохладное белое вино из высокого бокала, а он медленно вращал свой стакан с тёмным виски, лёд позванивал о хрусталь. На простыне разворачивалась какая-то нелепая комедийная сцена, но я почти не следила за сюжетом. Внимание было приковано к теплу его тела рядом, к тому, как его плечо иногда касалось моего под пледом, и к тому, как отблески экрана играли в его глазах, делая их менее непроницаемыми. Мы почти не разговаривали.

Фильм закончился, титры поплыли по простыне, но мы не двигались. Проектор выключили, и нас снова окутала тишина ночного океана, нарушаемая лишь шёпотом волн о корпус.

Мы сидели под пледом, и я снова рассказывала ему о звёздах. На этот раз я показывала не только созвездия, а делилась историями — о мифах Древней Греции, скрытых в небе, о том, как мореходы ориентировались по Полярной звезде. Он слушал, его стакан с виски так и остался недопитым, его взгляд был прикован то ко мне, то к небу, и в его глазах читалось не терпение, а интерес. В какой-то момент он задал вопрос — короткий, по делу, — и это заставило меня рассказать ещё больше. Это было странно и ново — быть услышанной не как источник информации, а как человек, чьи слова имеют значение.

— Кстати, где-то тут может быть ещё и Северная Корона,

— я провела рукой по небу, очерчивая воображаемый круг чуть левее того места, где мы нашли Южную Корону. — И Южная Рыба. Она не такая яркая, но если присмотреться...

Он сидел, слегка наклонив голову, его профиль был освещён лунным светом, и в его позе не было ни нетерпения, ни скуки.

— Покажи, — тихо сказал он.

И я снова повела пальцем по звёздной карте, и на этот раз его палец последовал за моим, и мы вместе искали в ночном небе новые старые узоры.

Я лежала на спине, забросив одну руку за голову, а другой беззаботно подбрасывая в рот вишни и говорила. Говорила без остановки. О звёздах, о книгах, которые читала в его библиотеке, о смешном случае из детства, о том, каким я представляла себе Таиланд до приезда.

А он лежал рядом, опираясь на локоть, и слушал. Не перебивал. Не делал язвительных замечаний. Лишь изредка его губы трогала тень улыбки, когда я говорила что-то особенно глупое или наивное. Он смотрел на меня, и в его взгляде не было привычной оценки или расчёта. Было просто внимание. И в этой тихой, тёплой ночи, под бесконечным небом, я наконец почувствовала, что могу быть просто собой.

Его рука легла на моё бедро поверх пледа. Сначала просто лежала, тяжёлая и тёплая. Потом его пальцы начали медленно водить вверх-вниз по моей коже через тонкую ткань платья. Как будто он изучал новую для себя территорию, погло-

живая её с тихим удивлением.

Мой поток слов на мгновение прервался.

Я замерла, чувствуя, как по телу разливается тепло, совсем не от пледа. Вишня так и осталась недоеденной в моей руке.

Он не сказал ни слова. Просто продолжал это медленное, гипнотическое движение, глядя на меня, а я смотрела на него, и весь мир снова сузился до этого прикосновения, до тишины между нами, до биения моего сердца, которое вдруг застучало так громко, что, казалось, его слышно даже над шёпотом океана.

Он наклонился ко мне, и сладковато-дымный запах виски смешался с солёным воздухом. Его губы снова нашли мои. Его рука сжала моё бедро, а другая обвила мою шею, притягивая ближе.

И я, потерянная в этом вихре, могла только ответить ему тем же, позволив вишне упасть из ослабевших пальцев.

Его рука скользнула под плед, а затем, тёплая и твёрдая, под платье. Его пальцы легли на мою оголённую кожу бедра, и я вздрогнула от контраста температур. Его ладонь была обжигающе горячей.

Он не спешил, его движение было медленным и осознанным, будто он давал мне время остановить его. Но я не могла пошевелиться, парализованная этим прикосновением, этим поцелуем, который становился всё глубже, требовательнее.

Он резко сбросил плед с нас, и ночной воздух обжёг кожу.

Его рука, всё ещё под платьем, скользнула вверх, с лёгкостью отодвинув ткань, и его ладонь закрыла мою грудь. Пальцы сомкнулись вокруг, и я непроизвольно выгнулась, впиваясь ногтями в его плечо.

Стоны, которые он вырывал из меня своими прикосновениями, терялись в его поцелуе. Он не был нежен. В нём была ярость, долго сдерживаемая и теперь вырвавшаяся наружу.

— Фабио...

— М-м-м? — он чуть отстранился, его дыхание было тяжёлым и горячим. — Хочешь, чтобы я прекратил?

В его глазах плясали опасные огоньки, и я знала, что это последний шанс отступить. Но тело уже приняло решение за меня.

— Нет...

Его поцелуй стал ещё интенсивнее, почти яростным. Его руки, больше не сдерживаясь, потянули за тонкие бретельки моего платья, с лёгкостью стаскивая его с меня.

Я осталась лежать на подушках только в трусах. Его рот, горячий и влажный, нашёл мой сосок, и я резко вскрикнула, когда он оттянул его зубами, а затем принялся посасывать, посылая волны огня прямо в низ живота. В то же время его пальцы зацепились за резинку моих трусов и потащили их вниз, обнажая кожу. Воздух, ночной и прохладный, коснулся самой сокровенной части меня, и я затряслась, полностью отданная на его милость.

Он быстро скинул с себя всю одежду, и его тело, мощное и

освещённое лунным светом, предстало передо мной во всей своей обнажённой силе. Одна его рука скользнула между моих ног, пальцы провели по половым губам, заставляя меня вздрогнуть, а вторая рука обхватила его собственный член, медленно поглаживая его.

Затем он набросил на нас плед, скрывая моё тело от чужих глаз, если бы они были, оставляя лишь наши головы снаружи.

— Будет больно, — прошептал он прямо у моего уха, и в его голосе не было жестокости, лишь суровая правда и, возможно, тень чего-то, что напоминало сожаление.

Он направил свой член к моему входу и начал медленно, но неумолимо входить в меня. Острая, разрывающая боль заставила меня зажмуриться.

— Сжимай мою руку, если больно, — его голос прозвучал приглушённо. Он взял мою руку и переплел наши пальцы.

Он продолжал входить, покрывая моё лицо, шею и плечи короткими, отвлекающими поцелуями. Боль нарастала, и я изо всех сил сжала его пальцы, мои ногти впились ему в ладонь.

Он тут же остановился, полностью замершись, и из его груди вырвался тихий, сдавленный стон.

— Твою мать... — прошептал он, его лоб упал мне на плечо. — Как же туго...

Я дышала короткими, прерывистыми вздохами, пытаюсь привыкнуть к ощущению его внутри меня. Его вторая рука

мягко погладила моё бедро, успокаивающе, а затем он снова начал двигаться — медленно, осторожно, но уже не останавливаясь.

Каждый его толчок приносил новую волну боли, но теперь в ней начала проскальзывать странная, чужая полнота. Мои пальцы всё ещё были сцеплены с его, и я сосредоточилась на этом якоре, на его тяжёлом дыхании у моего уха, пока он постепенно, сантиметр за сантиметром, заполнял меня собой.

Он вошёл в меня полностью, его бёдра плотно прижались к моим, и я не сдержала сдавленного, болезненного стога. В ответ из его груди вырвался низкий, хриплый звук — не боли, а глубочайшего, почти животного удовольствия, которое, казалось, охватило его с самого первого момента.

— Сейчас... Скоро пройдёт, — его голос прозвучал напряжённо, он сам боролся с потребностью двигаться.

— Хорошо... — прошептала я, впиваясь пальцами в его спину.

— Потерпи, совсем чуть-чуть... — он повторил это, как заклинание, его губы прижались к моему виску, и я почувствовала, как дрожь пробежала по его телу.

Он держался из последних сил, его лоб был прижат к моей шее, а тело напряжено как струна. Я чувствовала, как он дрожит от усилия оставаться неподвижным.

Затем, медленно, почти невыносимо осторожно, он начал двигаться. Сначала это были крошечные, едва заметные толчки, будто он проверял мою реакцию. Боль всё ещё была

там, острая и живая, но теперь к ней начал подмешиваться новый, незнакомый ритм, идущий в такт его движениям.

Он выпрямился, опершись на вытянутые руки, и его движения стали увереннее, глубже. Его руки скользнули под мои колени, мягко, но настойчиво раздвигая мои ноги шире, открывая меня ему ещё больше.

С каждым толчком боль понемногу отступала, уступая место нарастающему, чуждому, но неотвратимому напряжению. Воздух рвался из моей груди уже не стонами боли, а короткими, прерывистыми вздохами. Его имя сорвалось с моих губ — шёпотом, потом громче, — и в ответ он прохрипел моё, его ритм становясь всё более неистовым.

— Ты можешь... Уже всё... — прошептала я, и мои слова были не просьбой, а разрешением, признанием того, что боль ушла, осталось только это — нарастающая, всепоглощающая волна.

Он не заставил себя ждать. Его движения стали грубее, увереннее, каждый толчок достигал самой глубины. Он на мгновение отвел взгляд вниз, туда, где мы были соединены, и резко выдохнул сквозь стиснутые зубы, как будто вид сводил его с ума.

Я приподнялась на локтях, и его рука тут же скользнула с моего бедра на грудь, его пальцы сомкнулись вокруг, лаская и сжимая в такт его яростным движениям.

Звук кожи о кожу — влажный, откровенный, ритмичный — стал аккомпанементом к нашему тяжёлому дыханию. Его

руки впивались в мои бёдра, оставляя на коже отпечатки пальцев, мяли плоть, притягивая меня к себе с каждой новой, ещё более глубокой подачей.

Затем он схватил меня за ноги и резко закинул их себе на плечи, изменив угол, и я вскрикнула, когда он вошёл в меня ещё глубже, почти болезненно, но теперь боль была неразрывно смешана с нарастающим, неконтролируемым удовольствием. С каждым толчком я теряла контроль, мои руки бессильно скользили по пледу, а голова запрокидывалась назад.

— Нравится, Елена? — он прохрипел прямо в ухо, вбиваясь в меня с новой силой.

— Да... — это было всё, что я могла выжать из себя, мой голос сорвался на стон.

— Можешь стонать громче... — его слова были и поощрением, и приказом.

Затем он в одно движение перевернул меня на живот, поставив на четвереньки перед собой, и снова вошёл в меня сзади, теперь уже без промедления.

— Елена, прогнись в пояснице, — его команда прозвучала резко, но я тут же послушалась, выгибая спину.— Блять, да... — он выдохнул с диким удовлетворением, увидев, как я подчиняюсь, и начал двигаться быстрее, его бёдра хлопали о мои ягодицы с новой, неистовой силой.

Мои руки были вытянуты вперёд, и он сомкнул свои пальцы на моих запястьях, прижимая их к подушкам, полностью

лишая меня опоры. Его толчки стали ещё сильнее, ещё глубже, а его свободная рука то и дело опускалась на мою кожу с резким, звонким шлепком, от которого я вздрагивала и непроизвольно сжималась вокруг него.

Я начала отвечать на его движения, откидываясь назад на встречу каждому толчку.

— Продолжай... — его голос был хриплым, почти рычащим. — Сука, это так сводит с ума... Я будто попал, блять, в рай... — с каждым сломанным словом его ритм становился всё быстрее, почти яростным. — Ты вызываешь у меня какое-то привыкание...

Я застонала, длинно и громко, и выгнула спину ещё сильнее, подставляя себя ему полностью, принимая его на всю глубину. Он ответил низким рыком и начал вбивать в меня с силой, что наше соединение стало почти болезненным, но уже в самом сладком смысле этого слова. Его тело дрожало над моим, мускулы напрягались до предела, и я чувствовала, как он приближается к краю.

Его рука метнулась между моих ног, и его пальцы нашли мой клитор, начав быстрые, точные круговые движения. Я резко вскрикнула и посмотрела на него через плечо. Его взгляд был тёмным, почти диким, полным той же неконтролируемой страсти, что пожирала и меня.

Наши стоны вырвались одновременно, слившись в один звук. Он наклонился вперёд, его губы грубо захватили мои в поцелуе. Я ответила с той же яростью, посасывая его язык,

пока его пальцы и его член сводили меня с ума, доводя до того самого края, где всё должно было рухнуть.

Его рука обхватила меня под грудью, прижимая мою спину к его груди, а другая легла на низ моего живота, будто он хотел почувствовать каждое своё движение изнутри. Его ритм сбился, стал неровным, прерывистым.

Волна накрыла меня целиком, вырывая из груди долгий, сдавленный крик. Моё тело затряслось в серии мощных, выжимающих душу спазмов, сжимая его внутри себя.

Он кончил с захлёбывающимся, глубоким стоном, который, казалось, вырвал из него всё воздух. Его тело на мгновение окаменело, впиваясь в меня в последнем, мощном толчке, а затем обмякло, всей своей тяжестью легло на меня, прижимая к подушкам. Его дыхание было горячим и прерывистым у меня на шее, а моё собственное сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди.

Он мягко поцеловал мою спину, затем плечо, его член всё ещё пульсировал внутри меня, прежде чем он медленно вышел. Я почувствовала, как тёплое и липкое вытекает на мою кожу и на простыню подо мной.

— Лежи так... Кровь, — его голос был тихим и немного хриплым. Он встал, и я услышала его шаги, удаляющиеся в сторону каюты.

Я осталась лежать на подушках, не в силах пошевелиться, чувствуя, как его семя смешивается с моей кровью на внутренней стороне бёдер. Воздух был тяжёлым от запаха нашего

секса, соли и ночи.

Он вернулся с полотенцем и пачкой влажных салфеток. Молча и методично он вытер мой живот и бёдра, затем свой член. Потом его пальцы мягко раздвинули мои половые губы.

— Фабио!? — я вспыхнула от стыда и неожиданности, пытаюсь инстинктивно сомкнуть ноги, когда увидела, что он пристально смотрит туда.

— Вроде не разорвал... — пробормотал он себе под нос, его взгляд был сосредоточенным и клиническим, будто он осматривал повреждённый товар. — Всё в порядке. Просто кровь.

Я смотрела на него, всё ещё пытаюсь перевести дух. Его лицо было серьёзным, лишённым какой-либо страсти, которая бушевала здесь минуту назад.

— Тебе не больно? Ничего не жжёт? — он не отводил взгляда, а его палец осторожно провёл у меня внутри, проверяя.

Я вздрогнула от неожиданного прикосновения, но боли не было.

— Нет, — прошептала я. — Только чуть-чуть... Чувствительно.

Он наклонился и мягко поцеловал меня в живот, прямо ниже пупка. Его губы были тёплыми и неожиданно нежными на моей коже. Затем его ладонь легла на моё бедро, поглаживая его медленным, успокаивающим движением.

Он лёг рядом со мной, натянул на нас одеяло и обнял меня, притянув мою спину к своей груди. Его рука легла на мой живот, ладонь была тёплой и тяжёлой.

Мы лежали так в тишине, слушая, как океан укачивает яхту, а наши сердца постепенно успокаиваются. Его дыхание выравнивалось, становясь глубоким и ровным где-то у меня затылке.

— Если тебе больно, то говори мне об этом, — его шёпот прозвучал прямо у моего уха, тихо, но с незнакомой прежде серьёзностью. — И я не только о том, что мы сейчас занялись сексом.

Его рука на моём животе слегка сжалась.

— Я говорю вообще. Если что-то не так. Если я делаю что-то не то. — Он сделал паузу, будто подбирал слова. — Я не всегда понимаю, что правильно, но я хочу знать.

— Хорошо, — прошептала я, и это короткое слово значило гораздо больше, чем просто согласие.

Он мягко поцеловал меня в щеку, и его губы были тёплыми и сухими.

— Можем посмотреть фильм снова, если ты, конечно, хочешь, — прошептал он, его голос был спокоен.

— Можно...

— Ребята, поставьте, — он сказал это чуть громче, обращаясь к невидимой команде.

Я застыла в его объятиях. Мы же тут были не одни! Вся яхта, все его люди...

— Фабио... — я прошептала, чувствуя, как горит лицо. — Они ведь всё слышали...

— И что, — он выдохнул, и в его голосе не было ни капли смущения. — Будто стонов не слышали. — Он натянул одеяло повыше, полностью укрывая меня с головой, создавая маленький, тёплый кокон. — Теперь никто не увидит. Расслабься.

Я замерла под одеялом, прислушиваясь к звукам вокруг. Тихие шаги, щелчок проектора, и через ткань пледа на нас упал свет экрана. Он не отпускал меня, его рука всё так же лежала на моём животе, а дыхание было ровным.

И странное дело — его абсолютное, почти вызывающее спокойствие начало передаваться и мне. Стыд и неловкость постепенно отступали, уступая место усталому, почти мирному истощению.

Глава 11.

Я лежала на шезлонге у бассейна на вилле, подставив лицо жаркому тайскому солнцу. Его лучи приятно прогревали кожу, а прохладная вода в бассейне плескалась совсем рядом. Я закрыла глаза, вдыхая смесь запахов кокосового масла и цветов плюмерии.

Фабио подошёл ко мне, его тень накрыла меня, и прежде чем я успела хоть что-то сказать, он легко нажал пальцем на мою промежность через ткань купальника.

— Больно?

Я вздрогнула от неожиданности и резко приподнялась на локтях.

— Нет, — ответила я, больше удивлённая, чем возмущённая. — Просто неожиданно.

— Это хорошо, — он выдохнул, и в его голосе прозвучало лёгкое, почти неуловимое облегчение. Затем он развернулся и опустился на соседний лежак, устроившись поудобнее.

Он закрыл глаза, подставив лицо солнцу, и в его позе не было ни напряжения, ни привычной собранности. Впервые, возможно, за все эти годы, он просто отдыхал.

Рядом со мной.

Я начала вставать.

— Ты куда? — его голос прозвучал лениво, он даже не открыл глаза.

— Думала в тень перебраться... — ответила я, чувствуя, как спина начинает по-настоящему печь.

— Ложись на меня, — сказал он просто, как будто предлагал передать соль за столом. Одной рукой он поправил зонтик, создавая над своим лежаком прохладный островок тени.

Я на секунду замерла, но потом, пожимая плечами, перебралась на его лежак и устроилась сверху, положив голову ему на грудь. Его руки автоматически обвили мою талию, и мы снова застыли в тишине, на этот раз в тени, под мерный стук его сердца под моим ухом.

Его рука легла на мою поясницу и начала медленно, почти небрежно гладить её большими кругами. Его пальцы были тёплыми и твёрдыми, движение — гипнотическим и успокаивающим.

Я прикрыла глаза, полностью растворившись в этом простом ритме. Солнечные зайчики, пробивающиеся сквозь ткань зонта, плясали у меня на веках, а его сердцебиение под моей щекой было ровным и неторопливым.

— Когда мы поедem?

— Скоро, — его шёпот был тихим, а рука на моей пояснице не прекращала своих размеренных движений. — Нужно закончить кое-какие дела здесь. Убедиться, что всё спокойно.

Он помолчал, и я почувствовала, как под моей щекой его сердцебиение слегка участилось.

— А потом... Поедем к твоей бабушке.

— Спасибо, — прошептала я, и слово это вышло тихим, но весомым.

Он не ответил. Просто его пальцы на мгновение остановились, а затем снова принялись за свой медленный, успокаивающий ритм.

Через некоторое время он резко вошёл в гостиную. Его лицо было напряжённым, а движения — резкими и отрывистыми. Вся прежняя расслабленность исчезла без следа.

— Собирайся.. Точнее, вставай! Поехали! — его голос прозвучал как хлопок бича, не оставляя места для вопросов или промедления.

Я быстро встала и пошла за ним, на ходу накидывая платье на купальник. По его спине, напряжённой и собранной, было ясно — вопросы неуместны.

— Куда мы? — всё же рискнула я спросить, садясь в машину.

— Без вопросов, — отрезал он, и его тон не допускал возражений.

Дверца захлопнулась, и машина тут же тронулась с места, резко набирая скорость.

Самолёт плавно коснулся взлётной полосы, и за стеклом поплыли знакомые, но давно не виданные пейзажи — не барселонские окраины, а выжженные солнцем холмы и белые домики пригородов Аликанте. Сердце ёкнуло, замирая в груди.

— Фабио? — мой голос дрогнул, превратившись в сдавленный шёпот. — Это... Аликанте?

Он не ответил, лишь резко отстегнул ремень безопасности. Его лицо было каменной маской.

Мы вышли из самолета, и горячий, сухой воздух родины ударил в лицо. Он схватил меня за руку и почти потащил к чёрному внедорожнику, двигатели которого уже были заведены.

Дверца захлопнулась с глухим стуком, отсекая внешний мир.

— Что происходит?! — наконец вырвалось у меня, голос сорвался на крик, когда машина рванула с места. — Почему мы здесь? Что случилось?

Он посмотрел на меня, и в его глазах бушевала буря — ярость, холодная решимость и ещё, отдалённо напоминающее тревогу.

— Молчи и делай, что говорю. Сейчас не время до вопросов, Елена.

Мы мчались по знакомым улицам, тем самым, по которым я бегала в детстве. Каждый поворот, каждый дом врзался в память острыми, болезненными воспоминаниями.

И вот он мой дом.

Тот самый, с синими ставнями и крошечным балкончиком, где бабушка сушила бельё.

У подъезда стояла машина скорой помощи, её мигалки отбрасывали на стены тревожные алые блики.

Сердце не просто упало — оно оборвалось и разбилось где-то глубоко внизу. В ушах зазвенело.

— Нет... — это было даже не слово, а выдох ужаса. — Бабушка...

Я выпрыгнула из машины, не дожидаясь её полной остановки, и бросилась к подъезду.

— Елена! — кто-то попытался остановить меня из команды Фабио.

— Там моя бабушка! — я крикнула, сметая все на своём пути, и ворвалась в дом.

Воздух внутри был спёртым и пах лекарствами. В гостиной, на диване, где мы когда-то смотрели телевизор, лежала бабушка. Бледная, хрупкая, с закрытыми глазами.

Медсестра устанавливала ей капельницу.

Я застыла на пороге, не в силах сделать ни шага, мир поплыл перед глазами.

— Бабуля! — я бросилась к дивану и опустилась перед ней на колени, хватая её холодную, исхудавшую руку.

Она медленно открыла глаза, и в их потускневшей глубине вспыхнула слабая искорка.

Она умирает?...

Что ей вводят?! Что делают с ней...

— Еленушка... — её голос был тихим, как шелест сухих листьев, но улыбка, дрогнувшая на губах, была настоящей. — Ты наконец-то приехала... Я ждала тебя... Дождалась...

Она умирает?!

— Прости... Прости, что не приезжала раньше, — слова хлынули из меня потоком, смешиваясь со слезами. Я целовала её руку, сжимала её пальцы, пытаюсь передать всё за один миг. — Я так тебя люблю. Ты не представляешь...

— Девушка... — чей-то голос прозвучал сзади, настойчивый, но я не обращала внимания.

— Так люблю тебя... Прости меня... Пожалуйста... Я просто не могла... — я задыхалась, глотая воздух, не в силах остановиться.

— Девушка! — голос стал резче, и чья-то рука легла мне на плечо.

— Что?! — я резко обернулась, готовая кричать, чтобы меня оставили в покое.

Медсестра смотрела на меня с безмолвной, ужасной жалостью.

— Мне очень жаль... — тихо сказала она.

Я замерла. Потом медленно, очень медленно, перевела взгляд обратно на бабушку. Она лежала неподвижно. Её глаза, ещё секунду назад смотревшие на меня, теперь были открыты, но пусты и остекленели.

Тишина.

Я завывала — нечеловеческим, животным криком, в котором была вся боль мира. Рыдания вырвались из самой глубины души, сотрясая всё тело. Я трясла её, пытаюсь разбудить, вернуть, умоляя, требуя, отрицая.

— Бабуля, пожалуйста, нет... Проснись... Я же приехала..

Я же тут...

Прозвучал чей-то чёткий, безжалостный голос, вероятно, врача. Но слова не доходили. Они разбивались о стену отчаяния.

— Елена, — его голос прозвучал сзади, тише, чем обычно, но я не слышала ничего, кроме гула в собственной голове и разрывающего душу воя, который вырывался из моей груди.

Я плакала, прижимая к щеке её руку, не в силах отпустить.

Фабио подошёл ко мне. Он не стал ничего говорить. Он просто опустился на колени рядом, его большая, тёплая рука легла мне на спину, а другая осторожно закрыла бабушке глаза.

— Надо пойти, — его шёпот прозвучал прямо у уха, тихий, но неумолимый.

Он помог мне подняться, его руки крепко держали меня, не позволяя упасть обратно, и повёл к выходу. Я шла, как автомат, не в силах оторвать взгляд от двери в гостиную.

На улице, на горячем асфальте, я запнулась о собственные ноги и рухнула на колени. Новый, беззвучный вихрь рыданий вырвался из меня, сотрясая всё тело. Я схватилась за грудь, будто пыталась удержать там что-то разбитое навсегда.

Фабио присел на корточки рядом со мной. Он не пытался меня поднять. Вместо этого он обнял меня, прижав мою голову к своей груди, заглушая мои рыдания в ткани его рубашки. Его рука легла на мою голову и начала медленно, рит-

мично гладить мои волосы.

Я плакала, вцепившись в его одежду, а он просто держал меня, неподвижный и твёрдый. Он не говорил пустых утешений. Он просто был тут, принимая всю боль, которая вырывалась из меня на этой пыльной, чужой теперь улице, прямо перед домом, который перестал быть домом.

Он легко поднял меня на руки, и я инстинктивно обвила его шею и бёдра, прижимаясь к нему всем телом. Он понёс меня к машине, не обращая внимания на окружающих, и сел на заднее сиденье, всё ещё держа меня на руках, как ребёнка.

Я не отпускала его, а он не пытался меня отпустить. Его пальцы медленно водили по моей спине, пока машина трогалась, увозя нас от того места, где только что закончилась целая жизнь.

— Её кремируют, — его шёпот прозвучал тихо, прямо у моего уха, покачиваясь в такт движению машины. — Она попросила об этом нас..

Эти слова пронзили туман горя, как лезвие. Я замерла, прислушиваясь, пытаюсь понять.

— Она... Знала? — голос сорвался на хриплый шёпот. — Что умирает?

— Она ждала тебя, Елена. Ждала, но я не успел. Потому она попросила нас сделать безболезненно все... Как только ты придешь. Ей было больно Елена...

Я плакала так, будто хотела вывернуться наизнанку. Рыдания вырывались с такой силой, что не хватало воздуха, а

тело билось в мелкой дрожи.

Его тело покачивалось в такт движению машины, создавая иллюзию укачивания. Его большая, тёплая ладонь медленно гладила мой бок через ткань платья, твёрдые, ровные движения, которые были якорем в этом хаосе боли.

Я впивалась в него, пряча лицо у него на шее, и он принимал всё — слёзы, дрожь, безмолвные крики. Он был единственной твёрдой поверхностью в мире, который внезапно рухнул.

— Бабуля... — это вырвалось у меня сквозь рыдания не просто словом, а сгустком всей той боли, что разрывала грудь.

Оно было наполнено тысячами утренних чаев с печеньем, запахом сахарной пудры на её фартуке, тёплыми руками,правлявшими одеяло, и тихими испанскими колыбельными.

Я повторяла это снова и снова, как мантру, как последнюю нить, связывающую с ней, пока слёзы текли по его рубашке, а его руки были единственным, что не давало мне разлететься на тысячи острых осколков.

— Прости, что не привёз раньше, — его шёпот был грубым, почти неслышным.

Машина плавно остановилась у частного терминала. В салоне повисла тишина, нарушаемая лишь моим прерывистым дыханием.

— Сама выйдешь? — его шёпот коснулся моего уха, тихий и лишённый всякого приказа, лишь проверка.

Я кивнула, чувствуя, как голова тяжёлая от слёз. Медленно, неохотно, я разжала объятия и сползла с его колен. Он вышел первым и, обойдя машину, протянул мне руку, чтобы помочь выйти. Его пальцы крепко сомкнулись на моих, когда я ступила на асфальт на слабых ногах.

Моё лицо было опухшим и залитым слезами, но я не пыталась это скрыть. Он не отпускал мою руку, повёл меня к трапу самолёта, его присутствие было твёрдой, незыблемой опорой в мире, который снова потерял все ориентиры.

Мы вошли внутрь самолёта. Я опустилась в ближайшее кресло, поджала под себя ноги, обхватив их руками, и снова разрыдалась — тихо, уже без сил на громкие рыдания, но с той же всепоглощающей безнадёжностью.

Он сел рядом, не говоря ни слова, и снова обнял меня. Его рука легла на мои сведённые плечи, а щека прижалась к моим волосам. Я разрыдалась ещё сильнее, и на этот раз слова и мысли окончательно потеряли смысл. Осталась лишь всепоглощающая потребность в чём-то твёрдом, реальном, что могло бы удержать меня от полного распада.

Я потянулась к нему, забралась к нему на колени, как ребёнок, и прижалась всем телом, обвивая его шею и талию. Я вжалась в него, пытаюсь слиться воедино, спрятаться от невыносимой реальности в знакомом запахе его кожи и парфюма, в твёрдости его мышц.

И он принял меня. Его руки крепко обхватили мою спину, прижимая ещё ближе.

— Поспи, — его голос был тихим и нежным, как прикосновение. Он большим пальцем осторожно вытирал слёзы с моих щёк, затем провёл по моим губам, стирая с них солёную влагу. — Голова разболится ведь.

Он мягко поцеловал меня в лоб, и его губы были тёплыми и сухими. Затем он прижался своей щекой к моей. Его дыхание было ровным и спокойным, и оно постепенно начало убаюкивать моё измученное сознание, уводя в тёмные, безмолвные воды забытья.

Я заснула на его руках. Не сразу — сначала сознание медленно тонуло в тёплой, тяжёлой вате истощения, заглушающей острую боль.

И даже во сне, на самой грани сознания, я чувствовала его руку — медленную, неустанную, поглаживающую мою спину, плечо, руку.

Я проснулась от лёгкого покачивания. Он нёс меня на руках по трапу, уже в Барселоне. Ночной воздух был прохладным после душного салона.

— Я могу сама... — пробормотала я, голос был хриплым от сна и слёз.

— Спи, отдыхай, — его шёпот прозвучал прямо над ухом, твёрдо, но без привычной резкости.

И я послушно закрыла глаза, снова уткнувшись лицом в его шею, позволяя ему нести меня — не как пленницу, а как хрупкое и ценное, что нужно было бережно доставить домой.

Глава 12

Острая, режущая боль уступила место глухой, постоянной тяжести, которая стала новым фоном моей жизни.

Я более-менее пришла в себя — если под этим подразумевать способность функционировать, не разваливаясь на части каждый час. Ем, правда, плохо — пища кажется безвкусной, и каждый кусок встаёт комом в горле, но я заставляю себя. Потому что знаю, что он наблюдает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.